ОИК
1917 г.

Кн. чист. Стр все
Ивн

Но стр. 207-222 вклеена между с. 224 и 225.

В. РОПШИНЪ.
(Б. Савинков)

ИЗЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

(Лѣто 1917 г.).

Москва, — 1918

1917
Ноябр

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1068215

— Столбовъ то много повытаскивали, какъ теперь заборы держаться-то будутъ?.. Эту фразу я услышалъ еще въ Петроградѣ. Потомъ она преслѣдовала меня въ Москвѣ, въ вагонѣ, въ Кіевѣ и по дорогѣ на юго-западный съѣздъ. Столбы повытасканы—я счастливъ. Я счастливъ, потому что они дѣйствительно были гнилые и годились только на сломъ. Я радуюсь, что ихъ нѣтъ. Но какъ же заборы? Вѣдь безъ столбовъ заборы держаться не могутъ. Вѣдь если новое не замѣнитъ немедленно стараго, то заборы-границы—рухнутъ. А если рухнутъ границы, то не утвердятся ли снова поваленные и повытасканные революціей столбы?

Петроградъ,—поистинѣ, „городъ тумановъ“. Тумановъ не только Невскихъ, но и словесныхъ. На десять человѣкъ, которые дѣлаютъ, въ Петроградѣ есть сотни и тысячи, которые говорятъ. Говорятъ всегда: утромъ, вечеромъ, даже въ 3 часа ночи, и отъ этихъ нескончаемыхъ разговоровъ болитъ и кружится голова, и расшатывается, теряется вѣра. Каюсь: хотя я вѣры не утратилъ ни на минуту, но вопросъ о „заборахъ“ смутилъ меня и заставилъ задуматься надъ глубоко волнующими словами:

— А что, если и въ самомъ дѣлѣ, мы только взбунтовавшіеся рабы?..

„Взбунтовавшіеся рабы“... Кто произнесъ это слово? Вѣдь его сказалъ человѣкъ, который отвѣчаетъ передъ всей трудящеюся Россіей, и сказалъ не шопотомъ, не въ частномъ собраніи, а открыто, публично, мужественно договаривая свою мысль до конца. И если въ его сердце вкралось сомнѣніе, то въ скольких же сердцахъ оно укрѣпилось и, укрѣпившись, выжгло ту вѣру, безъ которой невозможно, нечѣмъ и не зачѣмъ жить? „Взбунтовавшіеся рабы“... Но вѣдь я не разумомъ и все-таки безошибочно знаю, что мы не рабы, и что наша революція не бунтъ.

Каменецъ-Подольскъ укрѣпилъ меня въ этомъ чувствѣ. Въ Каменецъ-Подольскѣ—съѣздъ фронтовыхъ делегатовъ. Пушкинскій домъ, радомъ съ домомъ—широко-лиственные сады, за садомъ—запыленныя улицы и внизу, подъ горой,—быстро-бѣгущій и мелкій Смотричъ. А на улицахъ и въ Пушкинскомъ

домѣ — рубашки защитнаго цвѣта, шашки, шпоры, высокіе сапоги—наша, русская, теперь уже народная—демократическая ли ужъ?—революціонная армія. Каждый съѣздъ—новый шагъ къ обновленію, къ построенію новой, демократической жизни — не къ утвержденію ли новыхъ столбовъ, тѣхъ столбовъ, которыми будутъ держаться заборы? И когда я вижу будничную работу, работу с.-р. и с.-д., сознательныхъ „окопныхъ“ соціалистовъ, я чувствую, какъ не утрачивается, какъ не расточается, а какъ закрѣпляется и вырастаетъ глубокая вѣра, что заборы не рухнутъ, и что русская, завоеванная народомъ, свобода, русская, завоеванная народомъ, „земля и воля“ будетъ сохранена и защищена—защищена отъ покушеній Вильгельма II. И если въ Петроградѣ разумъ мнѣ говорилъ, что почти нѣтъ надеждъ, что не видится исхода изъ лабиринта, то въ арміи, я увѣренно знаю, что выходъ найдется, и что не погибнетъ, не можетъ погибнуть Россія.

Юго-западный съѣздъ проходитъ подъ знакомъ обороны. Намѣчавшійся уже давно переломъ, какъ будто, наконецъ, совершился. Какъ будто, въ сознаніе солдатскихъ массъ проникаетъ и укрѣпляется мысль, что братаніе—почти измѣна, что оборона—не только сидѣніе въ окопахъ, и что для торжества революціи необходимо сломить военную мощь Вильгельма II. Я говорю „какъ будто“, потому что делегаты—одно, избиратели ихъ—другое. Разумѣется, избиратели тѣсно связаны съ делегатами и, разумѣется, делегаты, вернувшись на фронтъ, будутъ всемѣрно поддерживать резолюціи съѣзда. Но все-таки тожества нѣтъ. Делегатъ, какъ зеркало, отражаетъ настроеніе окоповъ. Но вѣдь зеркало—не ликъ, а только его отраженіе. Чтобы увидѣть и, увидѣвъ, понять изстрадавшійся ликъ нашей арміи, недостаточно побывать на съѣздѣ. Необходимо соприкоснуться съ арміей на мѣстахъ.

„Революція не только разрушаетъ старый порядокъ, она въ то же время, создаетъ новыя формы жизни, рождаетъ новыя силы, необходимыя для этой новой жизни. Я вѣрю и знаю, что у насъ живъ этотъ творческій народный духъ, что онъ дастъ намъ силы свершить наше отвѣтственное дѣло и вывести нашу армію на новый путь. Я знаю и вѣрю, что каждый изъ васъ чувствуетъ, какъ и я, что всѣ мы можемъ слиться въ въ одномъ радостномъ привѣтственномъ кликѣ: „Да здравствуетъ великая русская революція, да здравствуетъ великій русскій народъ, возвѣщающій всему міру благую вѣсть освобожденія, да здравствуетъ каждый воинъ-гражданинъ народной русской

арміи, который сумѣетъ сознать отвѣтственность, лежащую сейчасъ на каждомъ, который сумѣетъ отдаться той работѣ, къ которой призываетъ васъ сейчасъ Родина, отдаться всѣми силами, всей душой, всѣмъ сердцемъ, не щадя силъ, не думая о себѣ, а думая только о Родинѣ и о ея свободѣ". Этою рѣчью предсѣдателя, тов. Дашинскаго (ст. унт. оф., с.-р., делегатъ 8-ой арміи) открылся юго-западный съѣздъ. Онъ продолжался рѣчью А. Ф. Керенскаго—твердыми и ясными въ своей трагической простотѣ словами: „Прежде чѣмъ уйти съ вашихъ позицій, подумайте, я говорю вамъ: не къ землѣ и волѣ пойдете, а вы пойдете по дорогѣ, по которой вы потеряете и землю и волю". Говорили еще тов. Станкевичъ (членъ Петр. Исп. Ком. С. Р. и С. Д.), главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ ген. Брусиловъ, тов. Шапиро (членъ Петр. Исп. Ком. С. Р. и С. Д.) и многіе товарищи, делегаты арміи. Всѣ они призывали къ защитѣ новорожденной русской свободы. И только одинъ тов. Крыленко заявилъ, что „братаніе явится могучимъ средствомъ зажечь пламя революціоннаго пожара во всѣхъ странахъ и тѣмъ самымъ прекратить войну". Резолюція тов. Крыленка была отвергнута съѣздомъ. Это значительно само по себѣ. Но еще значительнѣе частные разговоры: меня увѣряли товарищи делегаты, что братаніе, еще недавно бывшее обычнымъ явленіемъ на фронтѣ, уменьшается съ каждымъ днемъ, и что крѣпнетъ надежда, что оно прекратится вовсе. А вѣдь только когда оно прекратится вовсе, когда каждый солдатъ сумѣетъ „сознать отвѣтственность, лежащую на немъ", можно будетъ съ увѣренностью сказать, что заборы не рухнутъ, и что старые, поваленные, прогнившіе насквозь столбы, будутъ замѣнены новыми, изъ крѣпкаго дуба.

Въ Бугачѣ съѣздъ VII-ой арміи. Сегодня я покидаю Каменецъ-Подольскъ, ѣду въ Бугачъ. И о Каменецъ-Подольскѣ и о юго-западномъ съѣздѣ у меня останется незабываемое воспоминаніе. Расцвѣла долгожданная весна, цвѣтутъ каштаны, сильно пахнетъ сирень, и распускаются липы. И, расцвѣтая, весна укрѣпляетъ во мнѣ надежду. Не надежду, а вѣру: русская народная армія обрѣла свое право и, обрѣтши право, пойметъ свои обязанности передъ родиной, передъ свободой и передъ демократіей русской и европейской.

Каменецъ-Подольскъ,
май 1917 г.

„Русскіе солдаты! Въ ноябрѣ центральныя державы предложили вамъ миръ.

Россія, какъ самая откровенная, была не прочь войти въ переговоры, но англійскіе министры, которые больше всѣхъ боятся мира, потому что они своему народу обѣщали власть надъ міромъ, а дать ее теперь ему не могутъ, сразу же закричали, что „центральныя державы врутъ, никакого мира онѣ не хотятъ и только съ голоду умираютъ“ и „не смѣйте съ ними переговаривать“. Русскіе уступили, и война продолжалась“.

Кто это пишетъ? Вы догадываетесь, читатель? Это пишетъ анонимный авторъ нѣмецкой прокламаціи, отпечатанной на русскомъ языкѣ на красной бумагѣ и переброшенной въ наши окопы. Замѣтьте, на красной бумагѣ, чтобы нашъ солдатъ не могъ усомниться, что прокламація эта исходитъ отъ соціалистовъ. Какихъ? Русскихъ? Нѣмецкихъ? Отъ Шейдемана? Отъ Либкнехта? Объ этомъ не сказано, конечно, ни слова. Прокламація безъ подписи, безъ печати, безъ какихъ бы то ни было указаній на „made in Germany“ (изготовлено въ Германіи),—на ея недвусмысленное происхожденіе. Русскій солдатъ ее прочитаетъ. Онъ скажетъ себѣ: „такъ говорятъ защитники народа—соціалисты“. Догадается ли онъ, что она переброшена изъ нѣмецкихъ окоповъ? Задумается ли надъ этимъ?

„Вы поклялись воевать за отечество. Вы сдержали свое слово, защищали мужественно каждый шагъ своей земли. Теперь же вы должны защищать отечество не отъ насъ,—мы вамъ не враги, мы вамъ даже подаемъ руку и, такъ выразились недавно нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Чернинъ и имперскій канцлеръ: „Мы не имѣемъ другого желанія, какъ зажить опять съ вами надежнымъ миромъ и старою дружбой“. Нѣтъ, ребята, вы должны остерегаться тѣхъ, кто желаетъ захватить всю вашу родину: англичанъ“.

Здѣсь яснѣе. Здѣсь „мы вамъ не враги“, „графъ Чернинъ“ и „имперскій канцлеръ“. На этотъ разъ русскій солдатъ ошибиться не можетъ: брататься ему предлагаютъ нѣмцы—они „подаютъ ему руку“. Но одни ли нѣмцы предлагаютъ брататься? Какая идиллія! Съ одной стороны графъ Чернинъ и имперскій канцлеръ подаютъ нашимъ солдатамъ руку, съ другой—большевики братаются—съ кѣмъ? Съ нѣмецкимъ народомъ? Такъ они вѣрятъ. Но кто вѣритъ, тотъ часто бываетъ слѣпъ. Не смѣется ли надъ большевиками графъ Чернинъ въ своемъ кабинетѣ? И не издѣвается ли онъ надъ нашимъ солдатикомъ?

„Центральныя державы нисколько не желаютъ униженія русскаго народа или потрясенія основъ его существованія. Такой исходъ теперешней войны для нихъ даже не былъ бы выгоденъ. Онѣ не намѣреваются посягать на честь или свободу русскаго народа, а стремятся лишь къ тому, чтобы жить въ мирѣ и согласіи съ довольнымъ сосѣдомъ".

Эти строки отпечатаны уже не на красной бумагѣ, но онѣ отпечатаны большими буквами, тѣми буквами, которыя легче читать полуграмотному, читающему по складамъ человѣку. Въ нихъ говорится о чести и о свободѣ русскаго народа, но ни слова не говорится о занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ. И когда я читаю эти четкія строки, мнѣ кажется, что я гдѣ-то уже слышалъ подобныя рѣчи—рѣчи съ умолчаніемъ о нѣмецкихъ захватахъ. Не въ Петроградѣ ли? Не на митингахъ ли? Не изъ русскихъ ли устъ?

Совпаденіе полное. Почти тожество. Конечно, не больше, какъ совпаденіе. Конечно, снова слѣпая вѣра. Вѣра въ прекрасную—достижимую ли?—мечту. И при всемъ моемъ уваженіи къ чужому мнѣнію, къ чужой, даже чуждой, даже враждебной мнѣ мысли, я спрашиваю себя,—неужели слѣпые не станутъ зрячими, неужели фанатики книги не почувствуютъ никогда реальной—какой безжалостной!—жизни и не поймутъ, что ихъ проповѣдь повторяется другими устами, устами нѣмцевъ для ихъ нѣмецкихъ, своекорыстныхъ и реальнѣйшихъ цѣлей?

Въ Петроградѣ угаръ и туманъ. Угаръ словъ и туманъ негосударственной мысли. Какъ нетрудно увлечь за собой толпу. Какъ нетрудно имѣть митинговый успѣхъ. И, уѣзжая изъ Петрограда, чувствуешь и тревогу, и стыдъ, и скорбь, и просто недоумѣніе. И надо мужество, чтобы сохранить вѣру.

Въ арміи легче дышать. Въ арміи, гдѣ люди жертвуютъ жизнью, умираютъ и убиваютъ, слово имѣетъ другой, тяжелый, я бы сказалъ, свинцовый вѣсъ. Здѣсь сказать—сдѣлать. Брататься—здѣсь не значитъ говорить о братаніи, а значитъ—оставить товарищей, выйти изъ своего окопа и, зная, что товарищи осуждаютъ, разговаривать съ непріятелемъ—съ нѣмцемъ. Воевать—здѣсь не значитъ говорить о защитѣ и призывать солдатъ къ оборонѣ, а значитъ—стрѣлять, быть раненымъ, быть убитымъ, не пользоваться свободой и не знать ни земли ни воли. Кто говоритъ здѣсь „впередъ", тотъ самъ обязанъ итти впередъ, и кто говоритъ „братайтесь", тотъ самъ обязанъ пренебречь боевыми товарищами и хотя бы на одинъ часъ

предпочесть имъ непріятеля—нѣмца. Здѣсь—не митингъ, не сходка, не ораторское искусство, здѣсь прочное дѣло,—то дѣло, надъ которымъ струится кровь.

Да, въ арміи легче дышать. И не только потому, что въ Петроградѣ каменные дома и фабричныя трубы, а здѣсь необозримое поле, перелѣски, лѣса, распустившаяся сирень и глубокое небо, а еще потому, что здѣсь говорятъ по-иному. Здѣсь есть сознаніе, что гдѣ право, тамъ и обязанность, и что гражданинъ—не значитъ безотвѣтственный человѣкъ. И здѣсь нѣтъ ни стыда, ни скорби, ни недоумѣнія. Есть крѣпкая вѣра. Но есть,—не скрою,—также тревога.

Можемъ ли мы защититься? Можемъ ли мы наступать? Еще многое не додѣлано, еще многое въ состояніи разрухи. Иначе и быть не могло. Не въ одинъ часъ и даже не въ одинъ мѣсяцъ самодержавная армія можетъ сдѣлаться арміей демократической и народной. Необходимо работать въ этомъ направленіи ежечасно и не щадя своихъ силъ, и необходимо, чтобы работали всѣ,—и солдаты, и офицеры, и высшій командный составъ. И первое, что поражаетъ, что радуетъ и что укрѣпляетъ вѣру, когда соприкасаешься съ арміей, это—ощущеніе внутренней, созидательной, уже почти стройной работы. Она чувствуется въ ротныхъ и полковыхъ комитетахъ, въ комитетахъ армій, въ съѣздахъ, въ партійныхъ организаціяхъ. И основнымъ ея лозунгомъ является лозунгъ обороны нашей свободы. Не брататься, а защищать. Но защита есть наступленіе. Но наступленіе должно быть успѣшно. Только въ его успѣхѣ залогъ укрѣпленія земли и воли. Такъ думаетъ большинство въ арміи. Такъ, будемъ вѣрить, завтра будетъ думать вся армія. А когда вся армія сознаетъ свой долгъ передъ родиной и передъ демократіей, Республикѣ Русской не будетъ угрожать никакая опасность.

Какъ настроена армія? Есть ли у ней воля къ побѣдѣ? Не къ той побѣдѣ, конечно, которая знаменуетъ собой порабощеніе и покореніе, а къ той побѣдѣ, которая необходима для того, чтобы защитить и закрѣпить нашу еще неокрѣпшую свободу? Есть ли еще „порохъ въ пороховницахъ“ или желаніе мира такъ велико и усталость отъ войны такъ чрезмѣрна, что „ослабѣла казацкая сила“ и что война уже наполовину проиграна нами? Отъ пониманія того, что происходитъ въ армейскихъ глубинахъ, не въ штабахъ, въ корпусахъ и дивизіяхъ, а въ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ, зависитъ, мнѣ кажется, и пониманіе того сложнѣйшаго положенія, въ которомъ нахо-

дится теперь не только Петроградъ и Москва, но и вся Россія. Если армія боеспособна, если она хочетъ и можетъ отразить непріятеля, если духъ ея—воинскій духъ, наша свобода,—„земля и воля“,—укрѣпится и утвердится. Если нѣтъ,—кто можетъ сказать, что будетъ тогда съ Россіей?

„Умомъ Россіи не понять“... Армейскіе, фронтовые и столичные съѣзды выносятъ резолюцію за резолюціей, въ которыхъ ясно говорится о необходимости „обороны“—обороны не только пассивной, но, разумѣется, и активной. Русская новая, на демократическихъ началахъ организованная, армія устами своихъ законно избранныхъ представителей заявляетъ во всеуслышаніе, что у ней есть крѣпкая воля къ побѣдѣ. Какъ не вѣрить оптимистическимъ резолюціямъ? Вѣдь вѣришь прежде всего потому, что нѣтъ мужества усумниться.

Петроградъ утомляетъ. Не только утомляетъ, но и волнуетъ. Въ Петроградѣ разговоры, разговоры и разговоры. Въ Петроградѣ „ленинцы“, митинги, газеты, пыль, соръ, перегруженные трамваи и всеобщая, тщательно скрываемая, растерянность. Когда уѣзжаешь изъ Петрограда, чувствуешь себя обновленнымъ,—обновленнымъ весной, полями, лѣсами,—всей необозримой Россіей.—А когда соприкасаешься съ арміей, то обновленность эта претворяется въ радость. Радуешься, что въ Россіи еще не все изошло словами, и что есть люди, которые дѣлаютъ дѣло. Пусть военное дѣло. Пусть дѣло намъ, противникамъ войны, чуждое. Но все-таки дѣло, все-таки что-то, что не укладывается въ обычное празднословіе и обычную критику всѣхъ министровъ и всѣхъ министерствъ. Таково первое ощущеніе отъ арміи, ея первое воспріятіе. Второе ощущеніе—ощущеніе воли къ побѣдѣ, точнѣе—воли къ оборонѣ Россіи. Но вѣрно ли это неразложимое ощущеніе? Не построено ли оно пока на томъ, что въ „Россію можно только вѣрить“, я бы сказалъ—на томъ, что въ Россію нельзя не вѣрить?

Ночь. Большая дорога. На краю дороги лѣсная опушка. Гдѣ-то, очень далеко, на горизонтѣ медленно поднимается изъ окоповъ ракета. Изъ окоповъ нѣмецкихъ. Она поднимается и неподвижно останавливается на небосклонѣ. Ея свѣтъ такъ ослѣпительно ярокъ, что отсюда, за нѣсколько верстъ, кажется, что надъ полями зажглась звѣзда Сиріусъ или Венера... На опушкѣ солдаты, въ лѣсу солдаты, въ придорожныхъ канавахъ солдаты и на дорогѣ тоже солдаты. Всѣ съ шинелями черезъ плечо, съ винтовками и съ примкнутыми штыками.

Это—прощаніе. Сегодня полкъ выступаетъ на передовыя

позиціи. Но гдѣ же знамя? Гдѣ обозы? Гдѣ пулеметы? Гдѣ траншейная артиллерія? Есть роты, но почти не видно команды. Что это значитъ?

— Товарищи, за землю и волю!

— Товарищи, за свободу!

— Товарищи, умремъ за Россію! Умремъ, товарищи?

— Да, умремъ!..

— Товарищи, тотъ измѣнникъ, кто отказывается отъ выступленія!

— Товарищи, тотъ измѣнникъ, кто отказывается идти въ окопы!

— Да здравствуетъ революція!

— Да здравствуетъ Керенскій!

— Ура! Ура! Ура! Ура!..

Это ура раскатывается въ кусты, повторяется эхомъ, встаетъ навстрѣчу сіяющей на горизонтѣ ракетѣ, и отъ него содрогается лѣсъ, содрогается небо, содрогается, какъ отъ орудійнаго гула, земля. Я цѣлую чьи-то бороды, чьи-то губы, я чувствую слезы на чьихъ то загрубѣлыхъ щекахъ, чьи то руки тянутся изъ ночной темноты, и чьи то голоса повторяютъ все громче и громче:

— За землю и волю! За свободу! За родину! За народъ!

Такъ было. Такъ я услышалъ. Такъ я своими глазами увидѣлъ. Санкюлоты? Революціонная армія Директоріи? Молодая армія освобожденной Россіи?

Да, молодая армія освобожденной Россіи. Да, то душевное напряженіе, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ Петроградѣ, которое рождается, которое можетъ родиться только здѣсь, въ десяти верстахъ отъ окоповъ, въ десяти верстахъ отъ свиста шрапнели и отъ грохота „чемодановъ“. Предчувствіе смерти, ея неизбѣжная близость закаляетъ и очищаетъ душу. Не потому ли Петроградъ празднословенъ, что на Невскомъ не ощущается непріятель?

Но почему нѣтъ командъ? Нѣтъ знамени, нѣтъ обозовъ? Почему не видно ни минометовъ, ни бомбометовъ? Почему на лицо не всѣ офицеры? Почему нѣтъ патронныхъ двуколокъ? И что означаютъ крики „тотъ измѣнникъ, кто отказывается отъ наступленія“ и „тотъ измѣнникъ, кто отказывается идти въ окопы“? Развѣ эти солдаты—не полкъ? И развѣ въ полку есть люди, отказавшіеся отъ обороны?

Поле. Полдень. Среди поля трибуна. Нѣсколько сколоченныхъ досокъ, и на этихъ доскахъ скамейка и столъ. За столомъ

предсѣдатель—солдатъ въ рубахѣ защитнаго цвѣта. Въ полѣ—солдаты и офицеры. Ихъ такъ много, что кажется, что это не полкъ, а по крайней мѣрѣ дивизія. Съ трибуны произносятся рѣчи. Говоритъ фельдфебель съ двумя георгіевскими крестами.

— Товарищи, мы устали. Мы воюемъ уже три года. Мы не отказываемся идти, но мы пойдемъ, когда отдохнемъ. Правильно ли, товарищи?

— Правильно!

— Мы воюемъ, а сынъ попа и племянникъ колбасника не воюютъ. Ходятъ себѣ въ пиджакахъ или въ тылу въ канцеляріяхъ пишутъ. Правильно ли, товарищи?

— Правильно!

— Мы воюемъ, а у насъ винтовки австрійскія. Пусть дадутъ русскія. Такъ ли?

— Да, такъ!

— Мы воюемъ, а, можетъ быть, у насъ артиллеріи нѣтъ. Мы зря умирать не согласны. Вѣрно?

— Да, вѣрно!

— Мы воюемъ, а вотъ Франція и Англія желаютъ завоеваній и не позволяютъ намъ заключить *сепараторный* миръ. Пусть обнаружатъ свои договоры. Правильно, товарищи?

— Правильно!

— Не пойдемъ, товарищи!

— Не пойдемъ!

— Не дадимъ пулеметовъ!

— Не дадимъ!

— И обозовъ!

— Да, и обозовъ!

— А господъ офицеровъ попросимъ остаться. Что мы можемъ безъ офицеровъ? Безъ офицеровъ мы—стадо. А несогласныхъ можно арестовать. Вѣрно, товарищи?

— Вѣрно!

Вся толпа кричитъ: „вѣрно“, а въ сторонкѣ, у выбѣленной халупы, молодой офицеръ, опершись о плетень руками, рыдаетъ громко, навзрыдъ. Рыдаетъ надъ арміей. Надъ угашеніемъ, надъ поруганіемъ ея военнаго духа.

Георгіевскій кавалеръ—исключеніе. И рѣчь его, разумѣется,—исключеніе. Но похожихъ рѣчей не мало. Ихъ говорятъ обыкновенно маршевики—тѣ солдаты, которые приходятъ изъ запасныхъ полковъ и приносятъ съ собой отголосокъ другихъ митинговъ и другихъ настроеній. Настроеній Кронштадта и митинговъ у дворца Кшесинской.

Окопникъ, большею частью, по первому зову снова идетъ въ окопы. Маршевикъ, большею частью, отказывается идти. А если и не отказывается, то въ глубинѣ души негодуетъ. Люди дѣлятся на двѣ категоріи: на сознательныхъ и полусознательныхъ защитниковъ земли и свободы и на непроглядную темь—на черемисовъ, мордву, башкиръ и нашихъ безграмотныхъ, еще не осмысливших переворота, крестьянъ. Такихъ крестьянъ очень много. А если прибавить, что русскій крестьянинъ, какъ и крестьянинъ всѣхъ странъ, человѣкъ по природѣ мирный, ненавидящій инстинктивно войну, и если прибавить, что его отвращеніе къ войнѣ благословляется теоріей непріятія всякой войны, даже войны за свободу, то станетъ понятнымъ, почему иногда полки выходятъ безъ обозовъ и пулеметовъ и всего въ половинномъ составѣ штыковъ. Попробуйте растолковать не желающему понимать человѣку, что свобода не есть произволъ, что республика не есть митингъ, что обязанность не есть право, что оборона свободы—долгъ каждаго гражданина, и что каждый солдатъ несетъ отвѣтственность за исходъ равно для всѣхъ ненавистной войны. Кто не хочетъ слышать, тотъ не услышитъ. И если въ арміи есть ядро „санкюлотовъ“, то въ той же арміи есть люди, объявившіе военную забастовку. Такова истина въ неприкрашенномъ видѣ. О ней нельзя умолчать. Нужно, чтобы ее знали всѣ — и тѣ, кто вѣритъ, и тѣ, кто не вѣритъ въ Россію. Армія заболѣла. Она утрачиваетъ свое единство. Она утрачиваетъ свой воинскій духъ. Можетъ быть, это и хорошо—въ отдаленномъ, въ послѣднемъ. Но въ близкомъ, въ насущномъ, ея распаденіе грозитъ жестокимъ ударомъ—проигранной Россіей войной. А кто возьмется сказать, что значитъ для насъ проигранная война?

Дѣйствующая армія.
Май 1917 г.

— Здѣсь немножко открыто, но это ничего. Мы какъ быстрѣе дойдемъ. Да онъ, вѣдь, и не стрѣляетъ...

Мой проводникъ, капитанъ, уже немолодой грузинъ, съ живыми, слегка насмѣшливыми глазами, быстро идетъ впередъ, туда, гдѣ, какъ желтая лента, извивается линія нашихъ окоповъ. Мы въ полѣ. Кое-гдѣ — невысокій кустарникъ. Кое-гдѣ — напоенныя дождями воронки, слѣды австрійскихъ снарядовъ. Налѣво, на горизонтѣ, холмы, и на холмахъ кудрявыя, разбросанныя по склонамъ, березы. Какъ эта равнина не похожа на

равнины Шампани. А, вѣдь тамъ, на французской землѣ, казалось, что Шампань напоминаетъ Россію. Казалось-ли? Или хотѣлось, чтобы казалось? Вѣдь здѣсь въ Галиціи—не на Волыни ли?—все иное. И цвѣтъ неба, и запахъ травы, и трепетъ листьевъ и, главное, звуки. Развѣ такъ скрипитъ телѣга Шампани? Развѣ такъ посвистываетъ куликъ? И развѣ такъ негромко, ворчатъ орудія? Здѣсь они даже и не ворчатъ. Вздохнутъ, замолкнутъ и снова вздохнутъ. А тамъ? Тамъ грохотъ, ревъ, и вой, и стенанье. Тамъ стыдно за эти звѣриные голоса. Здѣсь стыдно за тишину.

— Онъ видитъ насъ простымъ глазомъ. Если захочетъ—убьетъ...

Капитанъ улыбается своими полунасмѣшливыми глазами и, опираясь на палку, согнувшись, лѣниво, точно съ тяжкимъ трудомъ, идетъ все дальше и дальше. Я иду вслѣдъ за нимъ.

По мостикамъ мы миновали ручей. У ручья запахло осокой. Потомъ снова открытое поле и снова, налѣво, на горизонтѣ кудрявыя, — не угрожающія-ли?— березы. Я смотрю на нихъ съ любопытствомъ, почти съ гнѣвомъ, почти съ тревогой. За березами — онъ, Австріецъ. Непріятель. Врагъ нашей, завоеванной нами, свободы.

И вдругъ вдали зазвенѣло что-то. Зазвенѣло, задребезжало и, нарастая, и приближаясь, вверху, надъ нашими головами, въ голубыхъ темнѣющихъ небесахъ задрожалъ и взметнулся воздухъ. И уже было слышно, уже было до очевидности ясно, что это „что-то“ несется на насъ, неизбѣжно прямо на насъ, и что некуда и невозможно уйти. И въ ту же секунду взвился и распался дымъ, и взвизгнулъ взрывъ, и близко, рядомъ со мной, какъ ливень, пролились, впиваясь въ мокрую землю, пули. Я не понялъ. Развѣ кто-нибудь понимаетъ смерть?.. Я искалъ глазами слѣдовъ. Ихъ не было. Не было ничего. Небо, поле и угрожающія березы.

— Ложитесь!

Ощущеніе сырой земли и снова запахъ осоки, а потомъ запахъ дыма—ѣдкій, острый, стѣсняющій грудь. Еще мигъ—и снова что-то вьется надъ головой. И опять содрогается воздухъ. И опять, какъ ливень, проливаются пули. Я слышу ихъ. Я вижу взбрызги земли — вокругъ, вотъ тутъ же, тамъ, гдѣ я ничкомъ лежу на травѣ. Такъ это и есть шрапнель? Такъ черезъ это человѣкъ обязанъ пройти? Человѣкъ, то есть, гражданинъ и солдатъ. Пройти—умереть или пройти и защитить новорожденную свободу...

Въ Петроградѣ говорятъ о войнѣ. Здѣсь воюютъ. Братанье кончилось, отхлынуло, какъ въ отливъ отхлынываетъ волна. Еще не всюду въ арміи спокойно и твердо. Но уже крѣпнетъ чувство долга передъ страной, но уже пробуждается отвѣтственное сознаніе, что необходимо бороться, что необходимо не только обороняться, но и переходить въ наступленіе. Развѣ безъ наступленія мыслима оборона? И развѣ безъ обороны мыслима свободная и демократическая Россія?

Но вѣдь наступленіе—шрапнель... Но вѣдь наступленіе—открытое поле, напоенныя дождями воронки, одиночество, безпомощность, малость, поруганіе и смерть. Развѣ не поруганіе, когда лязгаетъ въ весеннемъ небѣ желѣзо, и разрывается, визжа и жалуясь, сталь? Развѣ не одиночество, когда никто не придетъ, не можетъ придти на помощь? Развѣ не безпомощность, когда нельзя и не нужно спасаться? Развѣ не малость, когда передъ вами встаетъ непонятое, незнаемое,—то, чего, быть можетъ, и невозможно понять? Какъ требовать этой жертвы? Кто смѣетъ сказать: „идите?“ Вѣдь только тотъ, кто самъ готовъ умереть.

Но кто смѣетъ, кто въ правѣ сказать: „не защищайте свободы, не жертвуйте вашей жизнью, бойтесь смерти, бойтесь шрапнели, расходитесь въ ваши мирныя семьи, ибо война—убійство и кровь? Не снова ли тотъ, единственно тотъ, кто самъ не испугался, не дрогнулъ, кто по опыту, не изъ книгъ, увидѣлъ и понялъ, что такое разрывающаяся шрапнель? Въ арміи нельзя говорить безотвѣтственныхъ словъ. Въ арміи слово есть дѣло. Нельзя проповѣдывать миръ, не рискуя для этого мира жизнью. И нельзя призывать къ наступленію, если не принять его для себя.

Смолкли выстрѣлы, стало тихо. Незамѣтно падаетъ ночь. Ярким блескомъ загорѣлась ракета и застыла надъ потемнѣвшимъ холмомъ. Сегодня вечеромъ я буду въ окопахъ—среди тѣхъ, кто завтра, быть можетъ, пойдетъ въ наступленіе. Быть можетъ, завтра разорвется надъ ними шрапнель. Не забудьте же о нихъ въ Петроградѣ.

Дѣйствующая армія.
Май 1917 г.

Полкъ раздѣлился на двѣ неравныхъ части. Одни стрѣлки рѣшили не выступать—не исполнять боевого приказанія. Рѣшили совершить преступленіе. Созвали митингъ, выслушали

ораторовъ и большинствомъ голосовъ постановили, что имъ необходимъ отдыхъ, ибо они уже 33 мѣсяца сражаются съ непріятелемъ. Резолюція немедленно вошла въ законную силу. Вѣдь теперь всѣ пишутъ законы, и не министерство управляетъ Россіей, а тысячи комитетовъ и десятки тысячъ собраній.

„Кто выше,—правительство или самъ народъ?“—спросилъ меня одинъ изъ стрѣлковъ, не исполнившихъ приказанія.

Что можно на это отвѣтить? На митингахъ рѣшаются всѣ дѣла. На митингахъ постановляется продолжать войну или нѣтъ, т. е. измѣнить союзникамъ или нѣтъ, т. е. защитить свободу или примириться съ пораженіемъ Россіи. Постановляется, и приводится въ исполненіе.

Понимали ли стрѣлки, что они не законодатели? Понимали ли, что ими совершенъ смертный грѣхъ? Я смотрѣлъ на ихъ обыкновенныя, крестьянскія лица, я слушалъ ихъ обыкновенныя, крестьянскія рѣчи, и минутами мнѣ казалось, что нѣтъ въ ихъ резолюціи вины, а есть бѣда—бѣда затменія, сонной одури и взращеннаго столѣтіями недовѣрія. Недовѣрія къ кому? Къ Николаю II, къ Скобелеву и къ Церетелли, къ генераламъ и офицерамъ, къ Керенскому, къ помѣщикамъ или, какъ теперь говорятъ, къ „буржуа“,—къ каждому, кто не держитъ въ рукахъ винтовки и у кого нѣтъ мозолей.

Завтра явится Ленинъ. Повѣрятъ ли они Ленину? Я не думаю. Слово „соціалистъ“ имъ такъ же чуждо, какъ слово „помѣщикъ“. Въ Россіи наполовину еще непроглядная ночь. Въ Россіи наполовину люди вѣрятъ только себѣ, да и себѣ, конечно, не вѣрятъ.

Другіе стрѣлки ушли. Исполнили приказаніе. Ушли подъ угрозы, подъ брань, подъ одиночные выстрѣлы изъ винтовокъ. Въ иныхъ ротахъ вышло 25 человѣкъ, въ иныхъ командахъ вышло двое и трое. Вышли мужественно изъ сомкнутыхъ угрюмо рядовъ и также мужественно построились на глазахъ у полка. „Вы—измѣнники, а мы умремъ за свободу“...

Кто такъ сказалъ, кто посмѣлъ такъ сказать, когда свистѣли шальныя пули, и когда, сгрудившись, угрожала толпа, тотъ сказалъ не легкоязычное слово. Попробуйте пойти противъ возбужденной толпы, попробуйте выплыть противъ теченія, попробуйте утвердить свою волю, когда огромное большинство диктуетъ вамъ непреклонно свою. Попробуйте—и вы оцѣните исполнившихъ приказаніе стрѣлковъ, оцѣните ихъ вѣрность свободѣ, ихъ любовь къ родинѣ, ихъ сознаніе солдатскаго долга.

„Умремъ за свободу“... Это точно и ясно. Не эти ли отвѣтственныя слова говорили тѣ люди, которые умирали на зарѣ на Лисьемъ носу?

Стрѣлки ушли на позиціи. Тѣ, которые не исполнили приказанія, остались въ тылу, въ крестьянскихъ халупахъ, уже раскаиваясь, уже чувствуя себя оторванными отъ жизни. Солдатъ живетъ въ ротѣ. Рота живетъ въ полку. Внѣ полка нѣтъ боевой единицы, внѣ роты нѣтъ боевого солдата. Что такое стрѣлокъ, если нѣтъ офицера? Что такое стрѣлокъ, если у знамени не стоитъ караулъ, и если нѣтъ ни обозовъ ни пулеметовъ? И, какъ части единаго тѣла, какъ неотдѣлимыя частицы полка, оставшіеся стрѣлки по одиночкѣ, въ разбивку, потянулись вслѣдъ за ушедшими на позиціи. Но „измѣнникамъ“ нѣтъ пощады. „Измѣнниковъ мы не примемъ“... Родилась глубокая рознь—стрѣлокъ возненавидѣлъ стрѣлка. „Я за свободу, ты—противъ, я за Керенскаго, ты — противъ, я за Исполнительный комитетъ, ты—опять, разумѣется противъ. Мы съ тобой не друзья, а враги“. Вотъ общедоступное разсужденіе. Въ немъ много правды, но много и неразумія. Но какъ скажешь? Какъ объяснишь? Только тотъ прощаетъ, кто умѣетъ понять. А какъ требовать пониманія, когда человѣкъ отдаетъ свою жизнь, и товарищи измѣняютъ ему, покидаютъ его и, въ сущности, предаютъ?

Вслѣдъ за стрѣлками и я пошелъ на позиціи. Сначала—открытое поле подъ обстрѣломъ непріятельскихъ пулеметовъ. Потомъ—холмъ, и по склону холма зигзагомъ вьется ходъ сообщенія. Я иду по этому ходу, иду долго, тяжко трудясь, потому что нѣтъ конца утомительному пути, и потому что надъ головою раскаленно жжетъ іюньское солнце. На вершинѣ—окопы. Я высовываюсь за парапетъ, и сейчасъ же щелкаетъ выстрѣлъ, и звенитъ, жужжа, австрійская пуля: „Ишь ты, охотится“ — говоритъ спокойно стрѣлокъ и прибавляетъ также спокойно: „Сегодня ночью мы изловимъ его, охотника этого“— „А кто здѣсь стоитъ?“—„Австріецъ“... За бойницей бугры, за буграми желтая линія окоповъ — „его“, конечно, окоповъ. До нихъ шаговъ тридцать. Но не слышно ни звука. Только щелкаетъ все та же винтовка—охотится все тотъ охотникъ. „Вотъ сюда взгляните, налѣво. Не знаю, наши ли, нѣтъ ли, а только истухли совсѣмъ, вотъ и духъ какой, слышите?“ Насколько... А тутъ, какъ увидятъ, что дѣло, такъ каждый себя найдетъ.

— И даже тѣ, что не исполнили приказанія?

— Никакъ нѣтъ. Эти—измѣнники. Ихъ судить надо.

Стрѣлокъ хмурится. Потомъ говоритъ:

— Если ты за землю и волю сражаться не хочешь, то ни земли, ни воли тебѣ не будетъ. Они вѣдь какъ разсуждаютъ: есть долгъ—не спорю, отдамъ не скоро. Значитъ, и вовсе не отдадутъ... Тутъ чего ужъ... Помирать не надо...

— За свободу.

— Такъ точно, за землю.

За свободу — за землю. Не одно ли это и то же? Вотъ за эту безкрайнюю землю, которая раскинулась подъ холмомъ и зеленѣетъ наливающейся пшеницей и колеблющимся отъ вѣтра уже почти махровымъ овсомъ. Я смотрю на нее съ волненіемъ. Внизу, у подножія холма, тамъ, гдѣ непріятельскіе окопы, извивается на колышкахъ паутина. Паутина непріятельскихъ заграждeній. И на этой стальной паутинѣ повисли сѣрые комья. Это трупы. Трупы тѣхъ солдатъ, тѣхъ русскихъ крестьянъ, которые, сражаясь за свободу—за землю, дошли, атакуя, до послѣдней черты. И, дойдя до нея, погибли. Имъ вѣчная и благодарная память.

Дѣйствующая армія.
Іюнь 1917 г.

Узкой лентой вьется дорога,—размытый дождями проселокъ. Слѣва—лѣсъ, отягченныя отшумѣвшимъ ливнемъ березы, справа, подъ нами — многоводная, играющая на солнцѣ рѣка. За рѣкой, на той сторонѣ, и здѣсь на ея крутомъ берегу — окопы. Мы идемъ по соединительной галлереѣ. Она выкопана на скорую руку. Въ ней приходится нагибаться. Ноги вязнутъ и тонутъ въ глинѣ. Эта желтая глина страшнѣе, чѣмъ непріятель. Развѣ осенью, во время дождей, можно жить, зарывшись въ мокрую землю?

Можно или нельзя, а живутъ. Живутъ солдаты, живутъ офицеры, и то, что кажется въ Петроградѣ необычайнымъ, здѣсь, въ окопахъ, естественно и обычно. Развѣ не естественно, что нѣмцы по ночамъ открываютъ минометный огонь? Развѣ не естественно, что днемъ свиститъ и воетъ шрапнель? Развѣ не естественно, что каждый день и каждую ночь даже теперь, когда на фронтѣ почти перемиріе, выбываетъ изъ роты нѣсколько раненыхъ и убитыхъ солдатъ! На войнѣ смерть обычна. Значитъ ли это, что она не страшна?

Впереди идетъ офицеръ, подполковникъ 24 лѣтъ. Вмѣсто лѣвой руки — рукавъ. На груди — два георгіевскихъ креста и георгіевская медаль. Золотое оружіе. Онъ былъ трижды раненъ

въ бояхъ и почти калѣкой вернулся на фронтъ. Вы скажете: *военная* доблесть. Но развѣ *военная* доблесть не доблесть? Человѣкъ, который отдаетъ свою жизнь, который трижды рискуетъ ею, не заслуживаетъ ли всегда уваженія? Я спрашиваю его:

— Можно собрать людей?

— Можно, но не больше, чѣмъ по одному взводу.

Мы крутимся въ лабиринтѣ. Мы поворачиваемъ направо, налѣво, потомъ снова направо, потомъ еще разъ налѣво. Все та же желтая глина, все тотъ же узкій, вырытый въ землѣ коридоръ. Вотъ часовые. Они стоятъ у бойницъ. Я заглядываю въ бойницу. Прямо передо мной — загражденіе, паутина колючей стали. За нею взрытое поле. И не далѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ, опять проволока, опять загражденіе. Это — окопы нѣмцевъ. Ясно виденъ неровный, зигзагами построенный, парапетъ.

Странно. Хочется выйти въ поле. Хочется выйти, хотя знаешь, что только тонкая перегородка земли отдѣляетъ отъ смерти. Одно движеніе, одинъ рѣшительный шагъ, и окопы останутся сзади, и человѣкъ превратится въ мишень. Великъ соблазнъ. Велико навожденіе. Но вотъ взвизгнула и прожужжала надъ головой пуля, и сразу потускнѣло желаніе. И погасло веселое озорство.

Собираются люди. Все крестьяне, все хлѣборобы — широкія плечи, загорѣлыя лица, заскорузлыя руки. Трудовой, россійскій народъ, переодѣтый въ солдатскую форму. Они лѣпятся по стѣнкамъ окоповъ, жмутся другъ къ другу, лежатъ, сидятъ на корточкахъ, и толпой тѣснятся кругомъ. Они слушаютъ. Слушаютъ, какъ умѣетъ слушать крестьянинъ — жадно, истово, со вниманіемъ, запечатлѣвая каждое слово и на каждый вопросъ отыскивая отвѣтъ. Мы говоримъ о землѣ и волѣ. О томъ, что значитъ земля, и въ чемъ смыслъ долгожданной воли. И при этихъ, новыхъ, словахъ загораются потухшіе въ окопахъ глаза, и что-то шепчутъ усталыя губы. Вотъ нежданное превращеніе: война становится не только подвигомъ, не только жертвой и тяготой, но и обязанностью и долгомъ. Потому, что война — защита свободы.

— Умремъ за землю и волю!

— Умремъ за свободу!

— Умремъ за Россію!

Умремъ... Когда въ Петроградѣ люди произносятъ эти слова, они не видятъ, не ощущаютъ смерти. Въ Петроградѣ „умремъ“ не значитъ умремъ сегодня, вотъ сейчасъ, черезъ

вились все тверже, и мнѣ казалось, что я слышу, какъ бьется сердце, и еще мнѣ казалось, что проходятъ тяжкіе и безконечные годы. И вотъ снова залязгало колесо. И уже не могло быть сомнѣнія, что на этотъ разъ стѣна обрушится не „правѣе“, а тутъ же около насъ, около этихъ, закрытыхъ брезентомъ орудій и около этихъ, вросшихъ въ землю, землянокъ. Я не успѣлъ наклониться. И когда раздался оглушительный взрывъ, когда звякнулъ надъ ухомъ осколокъ, когда всталъ удушливый дымъ и взвилась и потомъ разсѣялась пыль, я вдругъ понялъ, что значитъ близкая смерть. Понялъ и удивился. Было страшно, но было и радостно и свѣтло. Не потому ли, что дѣлилась опасность?

— Первое, огонь!

Блеснуло пламя, и задрожала земля. И уже не флейта запѣла. Удаляясь, жалобно зазвенѣла шрапнель. Фейерверкеръ нахмурился и сказалъ:

— Будетъ ему на орѣхи!

А потомъ былъ дымъ, былъ огонь, былъ вихрь, былъ страхъ, и было землетрясеніе. Было то, о чемъ нельзя говорить.

* * *

— Это гвардія!

Вотъ эти маленькіе—не оловянные ли?—солдаты, которые вонъ тамъ бѣгомъ выходятъ въ лощину, это гвардія? Это тѣ великолѣпные, исполненные здоровья люди, которыхъ я видѣлъ вчера, которые привѣтствовали министра, которые клялись умереть за свободу? Я—на наблюдательномъ пунктѣ. Я смотрю и не вижу. Слушаю и не слышу. Да, поистинѣ „да святится воля твоя“!..

Въ лощинѣ огонь. Огонь бризантныхъ снарядовъ. Стелется черный дымъ. Надъ нимъ стелется дымъ багровый. Настойчиво и упорно безумолку стучитъ пулеметъ. Этотъ звукъ безпощаденъ. Часто, часто въ безсонныя ночи онъ повторится въ ночной тишинѣ и напомнитъ и не позволитъ забыть. Винтовка — забава. Шрапнель — игрушка. Бризантный снарядъ — угроза. Но какъ назвать, какимъ именемъ опредѣлить пулеметъ?

Онъ не только настойчивъ. Не только упоренъ. Онъ безжалостенъ. Онъ и холоденъ, и горячъ. Онъ одинъ соединяетъ въ себѣ всю злобу, всю ненависть, все спокойствіе, все равнодушіе машинной, грубой, случайной смерти.

Онъ залаетъ—и ужасъ остановитъ сердца... И не герои

ли вотъ эти маленькіе солдаты, эти рослые гвардейцы—крестьяне, которые, не останавливаясь, идутъ по лощинѣ, идутъ въ огнѣ и въ дыму, подъ озлобленный лай пулеметовъ? Вы не вѣрите, что герои? Возьмите винтовку, проведите ночь въ холодныхъ окопахъ; утромъ, въ 9 часовъ, по сигналу, выбѣгите впередъ и пойдите въ атаку. И вы повѣрите и вы узнаете на себѣ, что значитъ близкая и неизбѣжная смерть.

— Смотрите, смотрите!..

„Къ сѣрымъ рубахамъ примѣшались темныя пятна. Ихъ все больше и больше. И сразу утихъ огонь. И уже нѣтъ смертельныхъ разрывовъ. Это — нѣмцы. Саксонцы. Это рукопашный, непередаваемый словами, бой.

Что, дѣлать? Плакать или молиться?

Я не плакалъ. Я не молился. Но я всей душой желалъ гвардейцамъ побѣды. И я всей душой желалъ непріятелю пораженія. Пусть мудрецы осудятъ меня.

* * *

Упалъ вечеръ, и затихло сраженіе. Затихъ жестокій и незабываемый бой. Только слѣва, изнемогая, догорала артиллерійская перестрѣлка и иногда на четверть часа разгорался ружейный огонь. Разгорался и гасъ. И когда онъ погасъ, и когда умолкли орудія, надъ вечерѣющими полями встала блѣдная, равнодушная, чужая въ своемъ равнодушіи, луна. И тогда стало страшно. Болѣе страшно, чѣмъ утромъ, на батареѣ, во время непріятельской, „рокировки“, когда свистѣли надъ головой осколки. Страшно за все. За Россію. За то, что можно ее побѣдить. За свободу. За то, что можно ее утратить. За васъ, за меня, за всѣхъ людей на землѣ, за всѣхъ, кто не щадитъ, не любитъ и не желѣетъ, а въ ненависти живетъ свою жизнь. Война—подвигъ, но война—преступленіе. Какъ выйти изъ этого круга? Гдѣ исходъ? Гдѣ покой?.. На опушкѣ лѣса лежитъ гвардеецъ, одинъ изъ тѣхъ, кто ходилъ въ атаку. Онъ лежитъ, и я не смѣю, я не хочу подойти къ нему. Я знаю, что онъ убитъ. Убитъ за землю и волю. И уже не страшно, а стыдно. Стыдно снова за васъ, за меня, за всѣхъ, кто въ эти тяжкіе дни не былъ съ нимъ съ убитымъ гвардейцемъ. Ибо жертва его огромна. Ибо чѣмъ и какъ и когда мы, оставшіеся въ живыхъ, сумѣемъ ее оправдать?

Въ полночь снова загрохотали пушки. И опять залаяли пулеметы. Нѣмцы контръ-атакуютъ. Утромъ будутъ новые трупы.

десять минутъ. Въ Петроградѣ есть надежда, есть ожиданіе. Сначала—казарма, потомъ ученье, потомъ марши, потомъ резервы и потомъ, наконецъ, окопы. Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, черезъ три. Здѣсь другое. Здѣсь „умремъ“ говорится у раскрытой могилы. Здѣсь нѣтъ мѣста легкоязычію.

Жужжатъ пули и впиваются въ мокрую землю. Спасаетъ земля. Всегда и вездѣ и всѣхъ спасаетъ земля. И здѣсь, въ окопахъ, въ размытой дождями глинѣ, становится яснымъ, что мы тоже — только земля, только часть ея безсмертнаго тѣла. Изъ земли вышелъ и въ землю уйдешь. Вотъ въ эту желтую глину.

Жужжатъ пули и плепаются о парапетъ. А изъ окоповъ выбѣгаютъ солдаты и, крестясь, бѣгутъ по открытому полю — туда, гдѣ говорится о родинѣ и свободѣ. И, запыхавшись, спрыгиваютъ въ окопъ. Раненый подполковникъ кричитъ:

— Осторожнѣй! Эй, осторожнѣй!

Его не слушаютъ. Что это? Веселое озорство? Нѣтъ, жажда слова, жажда знанія, жажда услышать собственными ушами, что, да, совершилось, да, земля перейдетъ къ трудовому народу, жажда вложить свои персты въ раны, убѣдиться, что это не ложь, а святая правда.

— Осторожнѣй! Эй, эй, осторожнѣй!

Но солдатъ все больше и больше. Уже не взводъ, а, можетъ быть, цѣлая рота. И опять восторженныя слова:

— Умремъ за землю и волю!

Поѣзжайте въ окопы. Присмотритесь къ окопной жизни. Къ ранамъ. Къ ревматизму. Къ цынгѣ. Зайдите въ землянки. Загляните въ бойницы. Прислушайтесь къ свисту пуль и къ грохоту пушекъ. Можетъ быть, вы тогда поймете, что значитъ „умремъ за землю и волю“. Можетъ быть, вы тогда поймете, что еще есть надежда, что еще не проиграна нами война, что еще мы въ силахъ оборонить свободу. Такъ я вѣрю. Только вѣрю, конечно. Ибо знать не дано. Ибо въ арміи раздаются и другіе, малодушные, крики. О нихъ я напишу въ другой разъ.

Мы уходимъ. Въ землянкѣ прячется пулеметъ и надъ закрытой бойницей приколоты, исписанныя, въ цифрахъ, бумажки. Это исчисленіе прицѣловъ. Раненый подполковникъ любовно гладитъ холодную сталь. Любовно—потому, что если спасаетъ земля, то спасаетъ также и сталь. Но вѣдь сталь и земля, не одно ли и то же?

Вотъ опять извивающійся проселокъ. Вечеретъ. Отъ рѣки поднимается паръ и волною стелется по лугамъ. Гулко, тяжко

тремятъ орудія. Щелкаетъ лѣнивая перестрѣлка. Въ окопахъ остались солдаты. Остались за „землю и волю“. Не имъ ли наше благодарное уваженіе.

Дѣйствующая армія.
Май, 1917.

— Не вѣрю Керенскому!

Этотъ возгласъ раздался тогда, когда потемнѣло глубокое небо, и зажглись вечернія звѣзды, и на лица упала голубая тѣнь отъ березъ. Эта тѣнь стерла всѣ очертанія. Все стало темнымъ, неяснымъ, голубымъ или сѣрымъ, или изсине-чернымъ —тамъ, гдѣ гуще кустарникъ и кудрявѣе березовый листъ. Кто сказалъ? Кто осмѣлился крикнуть? Въ полумглѣ бѣлѣютъ рубахи—море бѣлыхъ рубахъ. Онѣ всюду—подъ ногами, на росистой тракѣ, надо мною—на вышкахъ деревьевъ впереди—на открытомъ лугу и, если оглянешься—сзади, у опушки темнаго лѣса. Но вотъ море заколебалось. Зашевелились груди и спины. И сначала негромко, и потомъ все слышнѣе, все громче повторился негодующій крикъ:

—Выходи!

Молчаніе. Только шепчутся и вздыхаютъ березы. И рядомъ, возлѣ меня шепчутся и вздыхаютъ люди:

— О, Господи, Боже мой!

— Выходи!

Слѣва, сзади, съ опушки лѣса, чьи-то руки толкаютъ кого-то тоже въ бѣлой рубахѣ. Онъ упирается. Онъ не хочетъ выходить на трибуну. Но уже разомкнулась толпа, уже тысячи глазъ слѣдятъ за каждымъ движеніемъ, и уже невозможно не выйти невозможно спрятаться въ спасительные кусты. Я не вижу, но я угадываю, я знаю, что тотъ, кто крикнулъ, дрожитъ. Толпа не знаетъ пощады. Въ особенности, когда падаетъ ночь.

— Вышелъ?

— Такъ точно, вышелъ.

Спрашиваютъ тѣ, которымъ не видно. Трибуна низкая—березовый пень. Я смотрю на того, который осмѣлился крикнуть. Невзрачный, съ бородкой клиномъ, съ низкимъ лбомъ и испуганными глазами, онъ долго мнется у нея и не рѣшается говорить. И опять волнуется море:

— Если сказалъ, говори!

— Говори, почему не вѣришь!

— Не утаивай, говори!

— Не мути, а говори прямо!

И снова молчаніе. Какъ трудно, какъ непосильно трудно сказать. „Не вѣрю Керенскому“—значитъ „не вѣрю народу“, а вѣдь народъ вотъ здѣсь, на этой лужайкѣ, и ждетъ, и требуетъ, и не позволитъ молчать. Бѣлая рубаха влѣзаетъ на пень. Откашливается. Потомъ почти шепчетъ:

— Такъ точно, не вѣрю.

— Говори громче!

— Не вѣрю.

— Кому не вѣришь! Говорятъ тебѣ, не мути!

— Министру не вѣрю.

— Керенскому?

— Такъ точно, Керенскому.

Уже не листья вздохнули, не отдѣльные люди. Вздохнула толпа, вздохнула тяжко и властно. Снова заколебались рубахи. И чей-то голосъ коротко сказалъ:

— Говори!

— Такъ точно. Потому что, какъ Англія и Франція буржуазныя страны, а мы воюемъ за нихъ, а я несогласенъ. Пусть заявятъ, за что воюютъ. А пока не заявятъ, такъ и нечего воевать. А министръ Керенскій—въ желтыхъ сапогахъ ходитъ. Дай мнѣ такіе желтые сапоги, такъ я тоже изъ окоповъ уйду. Почему мнѣ въ окопахъ, а министръ Керенскій не въ окопахъ? А я еще слыхалъ, насъ всѣхъ хотятъ заморить, чтобы народу стало меньше. Это насчетъ дѣлежа земли...

Гуще тѣнь и сильнѣе негодованіе. Тянутся чьи-то руки. Слово „земля“ нельзя упоминать безъ опаски. „Земля не допускаетъ легкоязычія. „Земля“—правда. О „землѣ“ можетъ говорить только тотъ, кто не лжетъ и кто за землю готовъ отдать свою жизнь.

— Долой его! Вонъ!

— Долой!

— Чего мутишь-то? Долой!

— Товарищи, при свободѣ слова пусть говоритъ...

— Нечего, слышали!

— Пусть говоритъ...

— Гони его вонъ!..

На пнѣ уже нѣтъ никого. „Ораторъ“ скрылся, исчезъ. Растаялъ въ вечернемъ туманѣ. Гдѣ онъ? Не тамъ ли сзади, у лѣса, гдѣ глухо шумитъ толпа и откуда доносятся крики:

— Не пойдемъ!

— За Францію не пойдемъ!

— Керенскому вѣримъ, а не пойдемъ!..

Горькое сѣмя взошло. Кто-то сѣялъ, кто-то пожнетъ. Но вѣдалъ ли сѣятель, что творилъ? Или сѣялъ по безразсудству?

. . . . . .

А когда закрылось собраніе, и опустилась весенняя ночь, и стало еще темнѣе, у нашихъ окоповъ развѣдчики остановили неизвѣстнаго человѣка. Онъ ползкомъ пробирался въ полѣ. Кто онъ былъ? И откуда онъ шелъ? Не съ митинга ли? Не для доклада ли въ непріятельскій штабъ? И случайно ли впервые было брошено слово, брошено въ арміи, въ войскахъ: „Не вѣрю Керенскому“, т. е. „не вѣрю народу“. Я не дѣлаю выводовъ. Я пишу то, что было.

Дѣйствующая армія,
май, 1917 г.

Грузно, тяжко, оглушительно громко, вонъ тамъ, на лѣсной опушкѣ, раздался и откликнулся эхомъ взрывъ. Это австрійскій снарядъ, 6-ти дюймовая гаубица. И сейчасъ же взметнулся дымъ. И еще не разсѣялся дымъ, какъ заворчали наши орудія, что-то хлопнуло, что-то разбилось, и, удаляясь, зазвенѣла и зажужжала шрапнель. А потомъ снова взрывъ, снова дымъ. Не наступленіе. Не бой. Ежедневная перестрѣлка.

—Пополненія! Лѣтняго обмундированія!—Хлѣба!—Мяса!—Русскихъ винтовокъ!—Сапогъ!—Бѣлья!—Жалованія!—Газетъ!

— Это митингъ. Тамъ—выстрѣлы, здѣсь подъ выстрѣлами,—слова. Но какія слова... Неизбывное, безмѣрное, безграничное солдатское горе, безконечная, безкрайняя солдатская нищета, усталость, отчаяніе и изнеможеніе, какъ морской приливъ, поднимаются въ этихъ словахъ и, поднимаясь, затопляютъ и лѣсъ, и поле, и халупы деревни, и батарею, и окопы, и васъ, и меня. Передъ вами солдатъ. Онъ былъ въ бояхъ и въ маѣ, и въ іюлѣ и въ октябрѣ. Онъ помнитъ Свистѣльники. Онъ атаковалъ Дзике-Лане. Его товарищи висятъ до сихъ поръ на проволокѣ непріятельскихъ заграждeній. Онъ худъ, какъ щепка. На лицѣ землистый налетъ. Онъ не говоритъ, а, задыхаясь, бормочетъ:

— Такъ что болѣзни нѣтъ никакой. Такъ что и въ околодкѣ удостовѣрилъ докторъ. А только надорвалась душа. Силъ моихъ нѣтъ. А также и нѣтъ ничего. Ни бѣлья, ни лѣтней одежды... Винтовка австрійская стараго образца... Въ ротѣ 30 штыковъ... Господи, какъ же воевать, въ самомъ дѣлѣ?..

Какъ же воевать?.: Какъ воевать, когда одни несутъ всѣ военныя тяготы, несутъ до полнаго, до послѣдняго истощенія всѣхъ физическихъ и душевныхъ силъ, болѣютъ цынгой, надрываются и исходятъ слезами, а другіе „гуляютъ по Невскому въ котелкахъ“. Эти „котелки“ не даютъ мнѣ покоя. О нихъ я слышу вездѣ—во всѣхъ полкахъ, на всѣхъ митингахъ, въ тылу, въ резервахъ и на позиціяхъ. Въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петроградѣ—сотни тысячъ обученныхъ войскъ, а здѣсь, въ арміи, есть несчастныя роты, въ которыхъ дѣйствительно всего-навсего 30 штыковъ. Что это значитъ? И что отвѣтить на жалобы окопныхъ солдатъ? Скажите имъ, что желѣзныя дороги не провозоспособны. Они отвѣтятъ: чего правительство смотритъ? Скажите имъ, что дезертиры заполняютъ вагоны. Они отвѣтятъ опять: чего правительство смотритъ? Скажите имъ, что есть города, въ которыхъ запасныя части отказываются идти на войну. Они отвѣтятъ съ еще большимъ негодованіемъ: чего же, наконецъ, правительство смотритъ?

Армія истосковалась по власти. Армія раздѣлилась. Огромное большинство—вся артиллерія, вся кавалерія, всѣ спеціальныя войска и, несомнѣнно, гораздо больше половины пѣхоты сознаютъ и исполняютъ свой долгъ. Но, сознавая и исполняя свой долгъ, они томятся въ ожиданіи сильной руки. Народной руки, конечно. Руки министра-соціалиста. Руки испольнительнаго избраннаго народомъ, всероссійскаго комитета. Только такая рука, только такая народная, твердая власть сможетъ разрѣшить всѣ вопросы, сможетъ утолить всѣ печали, сможетъ накормить, одѣть, обуть, дать въ руки винтовку, дать газету, дать пополненіе. А главное, только такая рука можетъ показать меньшинству,—въ сущности горсти людей,—что боевое приказаніе—законъ, что свобода не есть беззаконіе, и что кто не желаетъ защищать ни земли, ни воли, тотъ не можетъ пользоваться правами и не можетъ пользоваться землей. Кто эта ничтожная горсть? Изъ кого она состоитъ?

— Душа надорвалась... А въ окопы надо идти?

— Такъ точно, надо.

— Пойдете?

— Такъ точно, пойду.

Окопникъ идетъ въ окопы „безъ ничего“—съ винтовкой и хлѣбомъ... У него „душа надорвалась“, и десны завтра будутъ въ крови, но онъ помнитъ свой долгъ, онъ любитъ родину и любитъ свободу. Онъ снова,—въ который разъ?—идетъ

подъ австрійскіе пулеметы. Скажите, по совѣсти, развѣ это не жертва? Не подвигъ? Развѣ такой солдатъ—не герой?

Маршевикъ приходитъ съ газетой „Правда“. Онъ суетъ ее всѣмъ. Напечатано—свято, „Правда“—значитъ свято вдвойнѣ. Онъ знаетъ, что Зиновьевъ проѣхалъ черезъ Берлинъ, но о Зиновьевѣ онъ молчитъ. Онъ вслухъ читаетъ статьи о братаньѣ, онъ увѣренно заявляетъ: „Не безпокойтесь, у насъ спокойно: въ насъ австрійцы не будутъ стрѣлять“, и онъ же ночью, тайкомъ, выкидываетъ бѣлый значокъ на наблюдательномъ пунктѣ. Онъ здоровъ. Ему 25 лѣтъ. Онъ никогда не бывалъ въ окопахъ. Но онъ первый кричитъ о хлѣбѣ, о мясѣ, о пополненіи и онъ же жалуется, что воевать тяжело“. Соръ Россіи, мусоръ большихъ городовъ, люди безъ мысли, безъ воли, безъ мужества и безъ чести, прикрываясь идейною пропагандой, спасаютъ всячески свою жизнь. „Шкурники“—говоритъ окопникъ и съ презрѣніемъ относится къ нимъ. Онъ относится къ нимъ съ презрѣніемъ, но, когда полкъ получаетъ приказаніе идти на позиціи, въ полку начинается смута. Начинаются крики. Начинается почти открытое возмущеніе. Кто кричитъ? Кто смущаетъ? Я увѣренно говорю:—маршевикъ.

На опушкѣ рвутся снаряды. Дребезжитъ, удаляясь, шрапнель. А тутъ на митингѣ, на большой дорогѣ, передо мною окопники и маршевики. И я знаю—вотъ этотъ, почти старикъ, въ изорванныхъ сапогахъ, съ волосатой, открытой грудью, съ истощеннымъ и чернымъ отъ загара, лицомъ, когда я буду говорить о свободѣ, улыбнется и улыбка не сойдетъ съ его губъ. И я знаю—вотъ этотъ, другой, черноватый и кудреватый малый, съ нахальными и играющими глазами и съ серебряной серьгой въ ухѣ, услышавъ слово „свобода“, толкнетъ плечомъ своего сосѣда и громко, такъ чтобы я слышалъ, скажетъ: „Буржуазы... А я пролетаріатъ“. И это безсмысленныя слова повторитъ вотъ этотъ скуластый, „Алешка-Горшокъ“, черемисъ, не понимающій почти ни слова по-русски. А потомъ встанетъ вопль: „Не пойдемъ! Не пойдемъ!..“ А окопники будутъ кричать „Ура!“ и „За землю и волю!“

Не всѣ, разумѣется, маршевики малодушны. Огромное большинство и изъ нихъ проникнуто сознаніемъ гражданскаго долга. Но „большевики“ вербуются изъ маршевиковъ. „Большевики“—не значитъ идейные люди. Идейныхъ въ арміи я почти не встрѣчалъ. „Шкурникъ“ ищетъ паспорта, ищетъ названья. И усваиваетъ модную кличку. И опорочиваетъ и дискредити-

руетъ то, что для многихъ цѣнно и важно. Подумалъ ли Ленинъ о такихъ неожиданныхъ, результатахъ?

Проходятъ дни, и армія крѣпнетъ. Но чтобы она окрѣпла вполнѣ, чтобы воля народа въ арміи стала закономъ, необходимо удовлетворить солдатскія нужды, необходимо сдѣлать все, что возможно, чтобы уменьшить солдатское горе, но необходимо еще и, можетъ быть, прежде всего, чтобы „Алешка-Горшокъ“ и кудреватый нахальный парень убѣдились воочію, что кто не съ народомъ—тотъ поистинѣ противъ него.

Дѣйствующая армія.

— Стой!

Электрическіе лучи машины прорѣзали темноту, озарили ночные, темно-зеленаго цвѣта, деревья, изрытую дождями дорогу и густую, колеблющуюся толпу мутно-сѣрыхъ, сгрудившихся людей. Эти люди вездѣ—передъ автомобилемъ, у колесъ его, сзади, и кажется, что это не люди, а мутно-сѣрое стадо барановъ безъ воли, безъ мысли, послушное рабски своему вожаку, такому же, какъ они сами, барану. Вожакъ кинется на автомобиль, и они кинутся вслѣдъ за нимъ. Вожакъ побѣжитъ, испугавшись, и они побѣгутъ, не оглядываясь назадъ, давя и толкая другъ друга. Что это? Сонъ? Или я ослышался? Или я брежу?

— Не пропускать! Стой!

Вздохнула, вскрикнула и угрожающе затихла толпа. И почему-то погасли вдругъ фонари. Сразу стало темно. Только вверху, надъ нами, ярче засіяли вечернія звѣзды, и сталъ виденъ изнемогающій отблескъ—свѣтъ прожектора съ далекихъ позицій. Зато стало слышнѣе. Стало слышно дыханіе—дыханіе напряженныхъ, взволнованныхъ и, въ глубинѣ души, уже испуганныхъ, уже раскаивающихся людей. Или дыханіе барановъ?

— Требуемъ разобрать!...

Русскій человѣкъ многосложенъ. Нѣтъ сердечнѣе русскаго человѣка, и нѣтъ человѣка, болѣе жестокаго по природѣ. Русскій— мягокъ и грубъ, стоекъ и малодушенъ, работаетъ за троихъ и лѣнивъ, свободолюбецъ и въ то же время насильникъ. Снова вѣчное, неизмѣнное и необъяснимое въ своей неисчерпаемой глубинѣ: „Умомъ Россіи не понять“... Да, умомъ ея не понять... Я только что вернулся съ позицій. Съ холма про-

стымъ глазомъ былъ ясно виденъ сосѣдній, источенный окопами холмъ, были видны колючія загражденія, были видны тѣ сорокъ шаговъ нескошенной, нестрѣюшей полевыми цвѣтами, травы, которую нужно, необходимо перебѣжать, чтобы подъ огнемъ пулеметовъ продвинуться на сорокъ шаговъ впередъ. А внизу, подъ холмомъ, была не долина, а рѣшето. Другого слова я сейчасъ не найду. Именно рѣшето. Вся земля была истыкана воронками отъ снарядовъ—большихъ, малыхъ и среднихъ. Сверху было страшно смотрѣть. Кто надругался надъ кормилицей—надъ землей? Кто изранилъ, изрѣшетилъ ее сталью? Кто посмѣлъ, кто рѣшился ее осквернить? И когда я смотрѣлъ, кто-то тронулъ меня за рукавъ:

— Хлѣбовъ-то сколько побили!...

Это сказалъ хлѣборобъ—крестьянинъ, одѣтый въ солдатскую форму. И, сказавъ, онъ чуть не заплакалъ. Онъ жалѣетъ хлѣба. Пожалѣетъ ли онъ человѣка?

Вотъ онъ стоитъ передъ моей машиной. И потому, что ночь, и потому, что онъ не одинъ, и потому, что вожакъ приказываетъ не уходить, онъ ждетъ, волнуясь и угрожая, и требуетъ „разобрать“. Разобрать, кто, когда и гдѣ, и при какихъ обстоятельствахъ сказалъ, что полковой командиръ не достоинъ командованія полкомъ.

— И чтобы не какъ въ старыя времена, когда вродѣ язвы, разныя сплетни или вообще что-нибудь, а благородно и честно...

„Благородно и честно“... Но вѣдь сгрудилась и тяжко дышетъ толпа. Но вѣдь нѣтъ по дорогѣ проѣзда. Но вѣдь одно неосторожное слово, и не будетъ ни ночи, ни лѣса, ни людей, ни автомобиля, а будетъ то, что бываетъ, когда надъ вами разорвется шраннель.

— Товарищи!

Я сказалъ это слово, и мнѣ стало сразу радостно и свѣтло. Да, товарищи. Не стало барановъ, не взволнованные и возмущенные люди, а товарищи, тотъ многострадальный и истосковавшійся по правдѣ народъ, съ которымъ кровно связанъ каждый изъ насъ, и для котораго стоитъ и нужно жить. Что нужды, что онъ разгнѣванъ? Что нужды, что онъ возмущенъ? Я принимаю его и въ гнѣвѣ. Я принимаю и въ возмущеньи. Я принимаю его всегда и вездѣ, каковъ бы онъ ни былъ, и каково бы ни было его заблуженіе. Но, принимая его, я не хочу и не могу уступить.

— Товарищи, вашъ полковой командиръ совершилъ преступленіе...

Всколыхнулась и снова тяжко, всей грудью, вздохнула толпа. Трудно заставить слушать. Но если заставить слушать, то возможно заставить понять. И здѣсь, въ лѣсу, весеннею ночью, мы устроили судъ. Судъ вѣча. Судъ народа, а не присяжныхъ. Я не знаю, что объ этомъ скажутъ юристы. Я не прокуроръ и не адвокатъ. И менѣе всего судья. Но я сталъ прокуроромъ, потомъ адвокатомъ и потомъ, наконецъ, судьей. Я не знаю, хорошо я поступилъ или нѣтъ. Но я знаю, что я поступилъ такъ, какъ *надо*. Какъ было надо въ эту минуту, для этихъ истомленныхъ окопной жизнью, темныхъ, грѣшныхъ, чистыхъ и свѣтлыхъ людей. Въ арміи—новая жизнь. Она бьетъ ключомъ въ подземныхъ глубинахъ и ищетъ выхода, и не находитъ его. Не находитъ—ибо новыя формы жизни еще не окрѣпли и еще не всегда и не во всемъ соотвѣтствуютъ ея многообразному содержанію. Революція не кончилась. Она началась. Она только теперь начинаетъ утверждать свой особенный—революціонный—законъ.

— 1-я рота за или противъ?

— Противъ.

— 2-я рота за или противъ?

— Противъ.

— Пулеметная команда за или противъ?

— Противъ.

— Команда траншейной артиллеріи за или противъ?

— Противъ.

— Команда связи за или противъ?

— Противъ.

Перечислены всѣ роты и всѣ команды. Всѣ роты и всѣ команды высказались не за, а противъ. Противъ командира полка. За то, что онъ не достоинъ командованія полкомъ.

Такъ мы судили. Но полковой комитетъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ перемѣщенія. Онъ и не вмѣшивается. Онъ выражаетъ свое пожеланіе. И на это его уполномочиваетъ законъ.

Загорѣлись опять фонари, освѣтилась дорога. Погасли звѣзды, погасъ австрійскій прожекторъ. И въ широкихъ и яркихъ лучахъ потонули отдѣльные люди, разступаясь и давая мнѣ путь. Гудитъ рожокъ, содрогается и мѣрно выстукиваетъ моторъ. Пахнетъ лѣсомъ, ночной росой. Прощайте, товарищи! Прощайте, мы вмѣстѣ судили. Суждено ли намъ вмѣстѣ бороться или я только прочитаю о васъ—прочитаю въ сухомъ бюллетенѣ, что на позиціи такой-то полкъ такой-то понесъ отъ огня миноме-

товъ такой-то, тяжкій, уронъ? Прощайте и простите меня, если я на минуту увидѣлъ въ васъ не людей, а толпу. Вѣдь это было темною ночью, въ темномъ лѣсу, когда вы, темные, крикнули: „стой!“.

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой,
Любви беззавѣтной къ народу“...

Торжественно и печально поднимаются, точно плачутъ, величественные аккорды похороннаго марша. Они поднимаются къ уже темнѣющимъ небесамъ, къ той, едва видной, утонувшей въ вечерней лазури, точкѣ, которая кружится надъ нашими головами. Это летчикъ. Нашъ, русскій летчикъ — французъ. Я пришелъ, а онъ прилетѣлъ проводить. Мы провожаемъ „Штурмовой батальонъ смерти“.

Въ арміи не все прочно и не все, конечно, спокойно. Волна неразумія, волна, я бы сказалъ, малодушія, докатилась къ намъ изъ глубокаго тыла и не вездѣ разбилась о нашу непреклонную волю. Сказалась усталость, сказалось недомоганіе, болѣзнь, отчаяніе и та крестьянская тяга домой, которую сдерживала суровая дисциплина. Дисциплина Николая II-го рухнула навсегда. Въ арміи не жалѣютъ о ней—развѣ можно жалѣть о палкѣ? Но не во всѣхъ полкахъ утвердилось сознаніе долга — та новая желѣзная дисциплина, которая выковывается вѣками свободы и унаслѣдованнымъ отъ предковъ чувствомъ своихъ обязанностей передъ страной. И подъ вліяніемъ агитаціи пріѣзжихъ въ армію досужихъ людей, подъ вліяніемъ безотвѣтственныхъ и легкомысленныхъ словъ, всколыхнулось солдатское море и голосъ слабости, голосъ трусости, голосъ почти измѣны сталъ слышенъ на всю Россію. И, слушая этотъ голосъ, я со стыдомъ и негодованіемъ часто спрашиваю себя: „Не взбунтовавшіеся ли мы, на самомъ дѣлѣ, рабы? Достойны ли мы свободы? Или мы способны только разговаривать и кричать и не способны работать, не способны на жертву, не способны на подвигъ—на ратный подвигъ защиты того, за что боролись наши отцы и дѣды?“

Вечеретъ. По развалинамъ стараго замка скользитъ изнемогающій, желто-розовый лучъ. Между развалинами, среди полуразрушенныхъ стѣнъ колѣнопреклоненные, съ обнаженными головами ряды. Это штурмовой батальонъ смерти. Завтра онъ выступаетъ. Сегодня онъ прощается съ нами. И, прощаясь, онъ чтитъ память борцовъ за свободу. Вѣдь онъ—наслѣдникъ погибшихъ борцовъ, вѣдь штурмовики — духовныя дѣти тѣхъ,

кто жертвовалъ своей жизнью для революціи. Среди штурмовиковъ нѣтъ слабыхъ и малодушныхъ. Въ батальонъ смерти записались только тѣ солдаты и офицеры, которые примѣромъ своимъ хотятъ доказать, что мы—не „взбунтовавшіеся рабы“, и что завоевавъ, наконецъ, свободу, мы въ силахъ, мы обязаны, мы во что бы то ни стало и любою цѣною, должны ее защитить. У штурмовика нѣтъ сомнѣній и нѣтъ колебаній. Традиціи прошлаго, традиціи 1905 года, усвоены и закрѣплены въ штурмовомъ батальонѣ. „За землю и Волю“! Но если „За землю и Волю“, то нельзя, ибо постыдно и недостойно бояться за свою, заранѣе принесенную въ жертву, жизнь, то нельзя, ибо постыдно и недостойно, отступить хотя бы на шагъ подъ ливнемъ шрапнели и подъ грозой тяжелыхъ снарядовъ. Въ арміи готовы воевать только люди двухъ категорій: или военные по профессіи, или сознательные борцы за свободу. Остальные колеблются. Колеблется темная масса. И не колеблются еще тѣ, кто братается, кто кричитъ „долой Керенскаго“ и кто на неизвѣстныя деньги спаиваетъ одеколономъ солдатъ.

Вечерній лучъ соскользнулъ съ заросшей мохомъ стѣны и погасъ. Стало почти темно. Съ рѣки потянуло прохладой. Звонче заквакали береговыя лягушки. И еще торжественнѣе, еще печальнѣе повторили послѣдніе звуки похороннаго марша. А потомъ смолкло все. Упалъ вечеръ, и упала съ нимъ тишина. Рядомъ со мной беззвучно плакала, закрывши лицо руками, „сестрица“, и на загорѣломъ, мужицкомъ лицѣ у одного изъ солдатъ я замѣтилъ крупныя слезы.

— Умремъ, товарищи! Поклянемся!

— Клянемся!

— За Россію!

— За Землю и Волю!

— За красно-черное знамя!

На эстрадѣ двѣ сестры милосердія. У одной въ рукахъ потемнѣвшая, въ серебряной ризѣ икона, у другой — кусокъ красно-черной матеріи. Онѣ обѣ вышли и обѣ молчатъ. Не могутъ, не въ силахъ сказать ни слова. И толпа, не вставая съ колѣнъ, молчитъ. Не слышно клятвъ. Не слышно рыданій. Только въ высокомъ небѣ звонко жужжитъ моторъ—нашъ русскій летчикъ, французъ.

— Товарищи, красный цвѣтъ—цвѣтъ свободы, черный—цвѣтъ смерти. Товарищи...

Женскій голосъ оборвался, пресѣкся. И вдругъ „сестрица“

съ иконой не выдержала и зарыдала навзрыдъ. И эхо громко зарыдало въ отвѣтъ.

— Товарищи, мы васъ благословляемъ. Не мы — ваши матери, ваши жены, ваши сестры въ Россіи. Тяжекъ вашъ путь. Вы поклялись или умереть, или защитить свободу. Сдержите клятву. Защитите. Оборонте. Спасите.

— Защитимъ!

— Оборонимъ!

— Спасемъ!

И снова молчаніе. Если вы когда-нибудь готовились къ смерти, если въ вашей душѣ когда-нибудь созрѣвала и, созрѣвая, укрѣплялась рѣшимость добровольно, празднично, отдать вашу жизнь, если вы когда-нибудь, хотя бы на одно короткое — повторяемое ли?—мгновенье, уразумѣли свою малость, свою суету, и сказали себѣ: „только смерть попираетъ смерть“, вы поймете, о чемъ я пишу сейчасъ, вы поймете тотъ незамутненный источникъ волненій, изъ котораго вылились солдатскія слезы и заупокойное рыданье сестеръ. Сколько штурмовиковъ вернется? Вѣдь эти люди сдержатъ свое обѣщаніе, какъ сдержали свое обѣщаніе тѣ, кто сражался на улицахъ Петрограда, на „Очаковѣ“ и на баррикадахъ въ Москвѣ.

Не все въ арміи разруха и слабость. Армія—русскій народъ. И если въ русскомъ народѣ живъ духъ мужества, духъ стойкости, духъ вѣры въ Россію, духъ преданности „Землѣ и Волѣ“, если не умерла потребность въ подвигѣ, въ „послушаніи“, то и въ арміи жива ея нерастлѣваемая душа, жива гражданская, солдатская доблесть. Штурмовики являютъ примѣръ. Примѣръ не только самоотверженія, но и повиновенія. Расшатался русскій законъ. Старый умеръ, новый не народился. Но безъ закона нѣтъ жизни. И горькимъ опытомъ, тяжелымъ трудомъ, армія излечивается мало-по-малу отъ болѣзни безвластія, отъ злой чахотки неустройства и безпорядка. Она крѣпнетъ и, окрѣпнувъ, утвердитъ свою волю. Воля ея — свобода. Свобода для всѣхъ, но свобода въ законности и въ законѣ. И штурмовой батальонъ смерти одинъ изъ тѣхъ краеугольныхъ камней, пусть даже камешковъ, пусть даже песчинокъ, на которыхъ строится новая жизнь. Завтра, гдѣ-нибудь въ полѣ, за халупами, за околицей малороссійской деревни, вырастетъ дубовая роща. Роща надмогильныхъ крестовъ. На каждомъ крестѣ заалѣетъ красно-черная лента. Красный цвѣтъ—цвѣтъ свободы, черный—цвѣтъ смерти. Въ Петроградѣ, въ глубокомъ тылу, пропоютъ или „Вы жертвою пали“ или прене-

брегутъ и забудутъ. Вѣдь въ Петроградѣ другія дѣла. Гдѣ ужъ помнить объ убитыхъ на полѣ брани...

Дѣйствующая армія.
15 іюня, 1917 г.

По ночамъ, по изрытому, въ глубокихъ выбоинахъ шоссе, тянулись люди, кони, кухни, двуколки, повозки. Они тянулись сегодня, тянулись вчера, тянулись недѣлю назадъ, однообразные, похожіе другъ на друга, темно-сѣрые, въ угрюмомъ сумракѣ ночи, запыленные дорожною пылью, безконечные и неисчислимые, какъ безконечны и неисчислимы походныя, измѣренныя безсонницей версты. Ихъ было такъ много, что казалось, что это не дивизія, не корпусъ, а весь народъ, вся Россія. И еще казалось, что невозможно остановить ихъ движеніе, какъ невозможно остановить морской, шумящій на горизонтѣ приливъ. Иногда на западѣ вставала ракета и яркимъ блескомъ озарялись черныя небеса. Тогда всѣ люди, всѣ кони напряженно вглядывались въ нее и слѣдили за ея угасаньемъ. А потомъ опять наступала ночь, и только слышался конскій топотъ, да четкій звукъ солдатскихъ шаговъ. А утромъ не было никого. Было пустое, изъѣзженное артиллеріей шоссе. И непріятельскій летчикъ съ аэроплана фотографировалъ лишь знакомые перелѣски, да березовые, уже давно сфотографированные, лѣса. И доносилъ, что „все спокойно въ тылу“. Но это ли доносили тѣ люди, которые теперь вездѣсущи, и съ которыми мы не въ силахъ бороться? Это ли доносили переодѣтые нѣмецкіе офицеры?

А потомъ началась „подготовка“. Сотни орудій заревѣли разными голосами. Звонко и властно заговорили и трехдюймовыя батареи, звонко и тяжко имъ завторили шестидюймовыя гаубицы, и тоже звонко, и тоже тяжко, но вздыхая и задыхаясь, загрохотали наши восьмидюймовки. А въ лощинѣ, въ далекомъ тылу, укрывшись отъ нескромныхъ взглядовъ брезентомъ, притаились два чудовища, два орудія „12“. Они рѣдко возвышали свой голосъ, но онъ былъ слышанъ вездѣ—въ ржаныхъ поляхъ, за Днѣстромъ, въ окопахъ и, конечно, въ Бжежанахъ. Я слышалъ ихъ. Я не хотѣлъ бы ихъ слышать опять.

Ревѣли и грохотали орудія. И на Дзике Лане, на Утюгѣ и въ Бжежанскомъ лѣсу изъ-подъ земли вставали дымные вихри—разрывались снаряды. Вы знаете, что значитъ, когда рвется снарядъ? Вы слышали свистъ осколковъ? Вы видѣли

столбы дыма? Вы испытывали чувство боязни? Васъ пронзало сознаніе, что вы—ничтожество, прахъ, и что ваша безсмертная жизнь игрушка? Представьте себѣ, что вы живете въ землянкѣ, что противъ васъ, въ пятидесяти шагахъ, непріятельскіе окопы, и представьте себѣ, что не изъ этихъ окоповъ, а откуда-то за десять верстъ кто-то, вамъ неизвѣстный, посылаетъ вамъ снарядъ за снарядомъ. Первый разъ—недолетъ, второй—перелетъ, третій—ваша землянка разбита, брустверъ тоже разбитъ, и кругомъ уже горячая кровь. Вотъ это называется „подготовкой“. Вотъ это дѣлали наши орудія.

Было утро, былъ полдень, былъ вечеръ, и была глубокая ночь. И утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, и даже глубокой ночью безумолку ревѣли стоголосыя пушки, и дрожали окна и стѣны, и казалось, что обрушится домъ. Каюсь. Я почти не думалъ о людяхъ—о тѣхъ нѣмцахъ, которые умирали въ окопахъ. Я думалъ о машинахъ, о пушкахъ. Я думалъ о компрессорахъ, о станкахъ, — о томъ, способны ли они на такую великолѣпную „подготовку“, и сколько выйдетъ ихъ за сутки изъ строя? Человѣкъ такъ устроенъ. Если не видишь смерти, то забываешь о ней. Кто ежеминутно помнитъ о ней, тотъ пусть осудитъ меня. И еще пусть тотъ осудитъ меня, кому не дорого наше новое, революціонное наступленіе.

„Армія разложилась“. „Армія не въ силахъ выдержать боя“. „Армія откажется наступать“. „Армія не солдаты, а землячки“... Сколько разъ я слышалъ эти слова. Одни говорили ихъ съ грустью, другіе съ негодованіемъ, третьи съ усмѣшкой, четвертые съ затаеннымъ злорадствомъ. Но каюсь снова: противъ очевидности, противъ фактовъ, я всегда, даже въ самыя трагическія минуты, сохранялъ молитвенно вѣру. Вѣру въ русскій свободный народъ. Я говорилъ себѣ: армія не смогла разложиться, армія не откажется наступать, армія выдержитъ кровопролитный бой, ибо если „не солдаты, а землячки“, то Россія не достойна свободы, то Россія дѣйствительно оледенѣлое поле, по которому ходитъ лихой человѣкъ. Но вѣдь я знаю, что за свободу пролились рѣки крови, и что растопился сѣверный полюсъ, и что не всѣ же „Ваньки—Каины“ на Руси. Да, Ванька-Каинъ бродитъ по русскому полю. Да, онъ мутитъ, и ловитъ рыбу въ мутной водѣ. Но вѣдь не онъ же будетъ строить Россію.

Предчувствіе—почти знаніе. Я видѣлъ волненія въ полкахъ, замѣшательство, колебаніе, даже, если хотите, измѣну. И я все-таки зналъ, что огромное большинство „пойдетъ“. Пойдетъ

въ наступленіе. Но я не зналъ,—я не смѣлъ предчувствовать этого, — что найдутся полки, въ которыхъ люди пойдутъ въ атаку со свѣтлымъ крикомъ „За землю и волю“. Вѣдь если полкъ атакуетъ съ краснымъ знаменемъ впереди и съ революціоннымъ лозунгомъ на устахъ, то полкъ этотъ — полкъ революціи, полкъ свободы, полкъ народной „Земли и воли“.

Кончилась „подготовка“.. Въ 10 часовъ — „Впередъ“!.. Выйдите изъ окопа, возьмите винтовку на перевѣсъ и пойдите по открытому полю. Взвизгнетъ шрапнель — идите, застучитъ пулеметъ — идите, затрещатъ нестройно винтовки — идите, разорвется трехдюймовый снарядъ—идите, поползутъ удушающіе газы—идите, и зареветъ, и завоетъ, и загрохочетъ непріятельскій „чемоданъ“ — не отступите, идите... Если вы бывали въ огнѣ, вы знаете, о чемъ я сейчасъ говорю. Сколько мужества, сколько стойкости, сколько душевной силы долженъ найти въ себѣ человѣкъ, чтобы преодолѣть чувство страха, перебороть инстинктъ сохраненія жизни. Гдѣ источникъ этой отваги? Я отвѣчаю: въ любви къ родинѣ и свободѣ.

Совершилось великое торжество. Торжество революціи. Мы не празднуемъ еще побѣды надъ непріятелемъ, но мы празднуемъ, мы въ правѣ праздновать другую побѣду—побѣду надъ нами самими. Кто побѣдилъ себя, тотъ сдѣлалъ труднѣйшее, тотъ поистинѣ совершилъ подвигъ. Мы, т.-е. армія, т.-е. русскій народъ, т.-е. Россія, побѣдили въ себѣ малодушіе, побѣдили растерянность, побѣдили великій соблазнъ перековать преждевременно мечи на орала. Не настали еще времена и сроки. И да будетъ стыдно тѣмъ неразумнымъ, тѣмъ опьяненнымъ своимъ краснорѣчіемъ, безотвѣтственнымъ глашатаямъ поспѣшнаго примиренія, которые льстятъ слабодушной толпѣ и зовутъ не къ жертвѣ, а къ празднословію, не къ подвигу, а къ отреченію отъ обязанностей свободнаго гражданина. Вѣдаютъ ли они, что творятъ?

Дѣйствующая армія
іюнь 1917.

— Спасибо, гвардейцы.

— Рады стараться, господинъ министръ!

Первый батальонъ повернулъ направо и сейчасъ же скрылся изъ виду. И въ ту же минуту снова послышался топотъ тысячи ногъ, и размѣреннымъ шагомъ, медлительно и тяжеловѣсно, стали подходить другіе ряды гвардейцевъ. Мнѣ

запомнился офицеръ. Повернувшись лицомъ къ министру и касаясь рукой козырька, онъ восторженными глазами смотрѣлъ на Керенскаго, и не было слышно, но было видно, что онъ что-то громко кричалъ. Не „да здравствуетъ ли Земля и Воля“? И солдаты тоже кричали.

Ихъ голоса заглушались звуками Марьсельезы. И въ этотъ радостный лѣтній день, когда сіяло глубокое небо, когда колыхалась уже высокая рожь, когда звенѣли жаворонки надъ головою, невозможно было повѣрить, что вотъ эти рослые люди, эти молодые, одѣтые въ солдатскую форму, крестьяне завтра пойдутъ умирать.

Невозможно было повѣрить, что завтра будутъ трупы, будутъ калѣки, будетъ стонъ, будетъ кровь. Не было предчувствія смерти. Его не было въ пожиломъ генералѣ, который шелъ впереди полка и издали улыбался министру, его не было въ музыкантахъ и въ ихъ сверкавшихъ на солнцѣ трубахъ, его не было ни въ размѣренности движеній, ни въ твердой стройности церемоніальнаго марша, его не было даже и въ отдаленномъ и угрожающемъ грохотѣ пушекъ. Казалось, что это не война, а парадъ. Не разставанье, а встрѣча. Не крушеніе, а наоборотъ, великолѣпное торжество еще неистраченной силы.

— Спасибо, музыканты!

— Рады стараться, господинъ министръ!

Смолкли трубы, опустились знамена. Загудѣлъ, раздвигая толпу, министерскій автомобиль, и еще долго гулкія рощи повторяли громогласное эхо. Эхо криковъ за родину и свободу... А я думалъ: „да святится воля твоя“.

* * *

Что-то рявкнуло за холмомъ и гдѣ-то на горизонтѣ зародился нарастающій звукъ. Сначала нѣжно запѣла флейта, потомъ залязгали невидимыя колеса, потомъ зашипѣлъ, задыхаясь, невидимый паровозъ и, наконецъ, внезапно сразмаху упала и разсыпалась невидимая стѣна. Артиллерійскій офицеръ улыбнулся:

— Это гораздо правѣе...

А фейерверкеръ прибавилъ:

— Дѣлаетъ по насъ рокировку...

Снова рявкнуло что-то. И опять запѣла звонкая флейта. И пока она пѣла, лица становились все строже, глаза стано-

Я ихъ увижу. Вы не увидите ихъ. Но я не знаю, завидовать мнѣ вамъ или нѣтъ.

Я вошелъ въ лѣсъ и не узналъ лѣса. Онъ ожилъ. Онъ не только ожилъ,—онъ разъярился. Откуда-то снизу, изъ-подъ земли, изъ-подъ папоротника и хвои, раздавались удары. Раздавались гулко и властно. Кто-то билъ по чугунной плитѣ, заколачивалъ гвозди, отдыхалъ и снова яростно выстукивалъ молоткомъ. Вздрагивали березы. Вздрагивала земля. Вздрагивало іюньское небо. И вверху, надъ моей головой, съ мяуканьемъ, съ визгомъ, со звонкимъ лязганьемъ желѣзныхъ цѣпей, свистя, звеня, угрожая и воя проносилась острая сталь—стая демоновъ въ стремительномъ вихрѣ. Ихъ было такъ много, такъ оглушителенъ былъ ихъ полетъ, такъ пронзительны были ихъ голоса, такъ предчувствовалось ихъ разрушительное паденіе, что я тоже вздрогнулъ и притаился. Мы всѣ притаились. И люди, и птицы, и звѣри, и всякая былинка, и всякая тварь. Развѣ можно, развѣ дано понять смерть?

А потомъ я вышелъ на наблюдательный пунктъ. Сзади, изъ лѣсу, по прежнему вырывались вихри, надъ головой по прежнему мяукали кошки, скрежетали желѣзные брусья и звенѣлъ, и вылъ, и метался воздухъ. Но навстрѣчу этимъ звѣринымъ воплямъ теперь летѣли другіе, тоже жуткіе, тоже звѣриные звуки. Изъ-за зеленыхъ холмовъ, изъ-за завѣсы тяжкихъ ударовъ, тонко и нѣжно, все приближаясь, посвистывала шрапнель и скрипѣли жалобнымъ скрипомъ гранаты. И разрывались въ лѣсу. И брызгали осколками по березамъ. Мнѣ не было страшно. Мнѣ было стыдно слушать этотъ многоголосый концертъ. Стыдно за васъ, за меня, за то разумное существо, которое называется человѣкомъ. Развѣ не стыдъ и не послѣднее поруганіе этотъ праздникъ машинной смерти—свистъ шрапнели и ревъ гаубицъ?

А потомъ я увидѣлъ... Слѣва, на отрогахъ Карпатъ, закурился зеленый гребень и поползъ темный дымъ. Онъ еще не растаялъ, какъ въ дыму появились люди—наши, русскіе, идущіе въ атаку, стрѣлки. Они всходили одинъ за другимъ, бѣжали, падали, снова бѣжали, а надъ ними взвивалось пламя, и вездѣ, по зеленому гребню курились все тѣ же черныя пятна—разрывы. Разрывы снарядовъ. Но стрѣлки подвергались впередъ. И тогда я закрылъ глаза. Я не могъ и не хотѣлъ видѣть. Ибо видѣть—перемѣниться. Ибо видѣть—не забыть во всю жизнь.

Но я не могъ не смотрѣть... За лощиной, въ двухъ вер-

стахъ отъ меня, за известкой бѣлыхъ окоповъ, на обнаженной, буро-сѣрой горѣ шелъ упорный и неистовый бой. Изъ земли вздымались смерчи. Всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ оттѣнковъ. То багровые, то бѣлые, то зеленоватаго цвѣта, то высокіе, почти до небесъ, то очень низкіе, то узкіе, какъ воронки. И среди этихъ безпощадныхъ смерчей я опять увидѣлъ стрѣлковъ. Какъ медленно они шли... Какъ часто припадали къ землѣ... И какъ невозможно было повѣрить, что они такіе же люди, какъ я, и что это не тяжкій, не нашептанный, дурной и ненужный сонъ.

Да, конечно, мнѣ снилось. Переступите этотъ порогъ, войдите въ этотъ нетающій дымъ, прислушайтесь къ грому орудій, забудьте, что вамъ страстно хочется жить и рѣшитесь умереть на этой обнаженной горѣ. На моихъ глазахъ сотни русскихъ людей, не колеблясь, сдѣлали это. Я говорю: если это не сонъ, то это высшая военная доблесть. Только ли военная доблесть? Или та гражданская добродѣтель, та римская „virtus“, на которой зиждется жизнь, ея творчество и ея устроеніе? Вѣдь погибшіе въ бою люди оставили намъ наслѣдство: завѣтъ сохранить и укрѣпить и взлелѣять свободу. Забудемъ ли мы объ этомъ завѣтѣ? Справа, за бѣлѣющей лентой шоссе, застучала ружейная перестрѣлка. И врываясь въ эти частные звуки, четко, ясно и торопливо заговорилъ непріятельскій пулеметъ. Мнѣ показалось, что залаяли псы. Свора дикихъ и озлобленныхъ псовъ. Съ гуломъ пушекъ трудно мириться. Но стократъ труднѣе принять этотъ размѣренный, равнодушный и въ то же время яростный стукъ. Пулеметный огонь—послѣдняя гибель. И я взялъ бинокль и началъ жадно смотрѣть.

Что я могъ и что я хотѣлъ увидѣть? Я не знаю. Но не было силъ оторваться. Не было силъ сказать себѣ: не хочу. Пулеметный огонь, какъ бездна. Смотришь въ бездну, и кружится голова, и хочется броситься внизъ, хотя броситься—навѣрно погибнуть. Пулеметный огонь—соблазнъ, бѣсовское навожденіе. Я испыталъ этотъ темный соблазнъ и увидѣлъ снова, какъ падали люди. Я снова увидѣлъ смерть.

Было утро. Потомъ былъ полдень. Раскаленно палило солнце, раскаленно душила пыль. А потомъ упалъ вечеръ, и сразу стало прохладно. Но и утромъ, и въ полдень и на закатѣ, не умолкая, ревѣли орудія, не умолкая, разрывались снаряды, не умолкая, посвистывала шрапнель, и, не умолкая, стучалъ, стучалъ и снова стучалъ непріятельскій, невидимый пулеметъ. Но и утромъ, и въ полдень, и на закатѣ курились

дымомъ отроги, и изъ земли взвивались смерчи. Это—бой. Это—наше славное наступленіе. И это кладбище. Это—могила. Я увидѣлъ, но я не понялъ. Я не понялъ, но я знаю всѣмъ сердцемъ: такъ было надо, ибо кровь не напрасна, ибо только смертью попирается смерть и только смертью строится цвѣтущая жизнь.

Теперь ночь. Сверкаютъ безстрастно звѣзды. Но не замолкъ потрясенный воздухъ. Гремятъ пушки, пощелкиваютъ винтовки. На зарѣ непріятель пойдетъ въ атаку. Снова прольется кровь. Кровь за родину, за свободу. Мнѣ тяжко думать объ этомъ. И мнѣ тяжко объ этомъ писать.

Дѣйствующая армія.
Іюнь 1917 г.

Пыль ѣстъ глаза, щеки въ пыльномъ налетѣ и сквозь пыльныя прозрачно-сѣрыя облака солнце кажется багрово-огненнымъ шаромъ. Гудитъ, не переставая, сирена автомобиля. Я обгоняю обозы, потомъ батареи, потомъ ряды запыленной, согбенной подъ тяжестью ранцевъ, пѣхоты. А потомъ уже нѣтъ никого. Есть бѣлѣющая лента шоссе, тополя по краямъ дороги и въ канавахъ недвижимые трупы. Сначала —конскіе, потомъ трупы людей. Лошади лежатъ на боку, сиротливо поднявъ окоченѣвшія ноги, и надъ ними уже летаютъ и жужжатъ мухи. Люди тоже окоченѣли. Тѣла ихъ тяжки, точно вылиты изъ свинца, и на коричневыхъ отъ загара лицахъ алѣютъ струйки запекшейся крови. Тутъ же валяются нѣмецкіе каски, винтовки, ранцы, пули, подсумки—воинское, уже ненужное, снаряженіе. Впереди, за деревней, торопливо, на-спѣхъ, стучитъ пулеметъ, а справа въ открытомъ полѣ со свистомъ, съ грохотомъ, съ содроганіемъ разрываются непріятельскіе снаряды. Это—война. Это—смерть.

Не только война и не только смерть. О войнѣ въ старомъ значеніи этого слова нужно забыть. При Николаѣ II-омъ мы не только оборонялись, мы воевали ради завоеваній, и о свободѣ народовъ и не могло быть и рѣчи. Теперь другое. Теперь мы, свободный народъ, защищаемъ свою свободу. Развѣ не во имя ея умирали русскіе люди въ Петроградѣ 9-го января? Развѣ не во имя ея умирали русскіе люди на баррикадахъ въ Москвѣ? Развѣ не во имя ея умирали русскіе люди въ Шлиссельбургѣ и на Лисьемъ Носу? И развѣ не во имя ея умирали русскіе люди въ дни февральской, торжествующей революціи?

Не только война, но и революція. Продолженіе, утвер-

жденіе и закрѣпленіе многолѣтней, кровопролитной, доблестной и тяжелой борьбы. Побѣжденные, мы грѣховны. Нашъ непрощаемый грѣхъ не смоется никакимъ покаяніемъ, ибо грѣхъ этотъ смертный. Мы согрѣшимъ противъ Духа Святого: противъ свободы. Ибо на каждомъ изъ насъ останется навѣки печать: „ты завоевалъ послѣ долгихъ трудовъ свободу, и ты не сумѣлъ ее сохранить“. И наши дѣти насъ проклянутъ.

Не только смерть, но и жизнь. Въ этой революціонной войнѣ смерть поистинѣ попираетъ смерть. Побѣдители, мы творимъ обновленную жизнь. Мы вооружаемъ знамя свободы. Мы всему міру даруемъ миръ.

Это ясно. Объ этомъ споръ неумѣстенъ. Но если въ вашей душѣ зародилось тайное колебаніе, поѣзжайте въ армію и посѣтите окопы. Поговорите не съ тѣми, кто отказывается исполнять боевые приказы, кто кричитъ „долой Керенскаго“, кто осторожно шепчетъ по ночамъ, кто читаетъ „Окопную Правду“, кто крадется иногда въ темнотѣ къ непріятельскимъ линіямъ, гдѣ привлекаетъ четкая надпись: „Здѣсь принимаются дезертиры“,—не съ тѣми, кто истомленъ или слабъ, или по-просту малодушенъ. Поговорите съ подавляющимъ большинствомъ. Да, конечно, солдаты и офицеры устали отъ безконечныхъ боевъ, безконечныхъ обстрѣловъ, безконечнаго сидѣнія въ окопахъ, недоѣданія, недосыпанія, грязи, стужи, дождей. Да, конечно, души болятъ, и трепещутъ сердца, и изнываетъ тѣло въ изнеможеньи. Да, конечно,горька бездонная чаша, и сухи губы, и наполняетъ ихъ не вода, а уксусъ и желчь. Но вѣдь „я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю“... Но вѣдь въ мукахъ рождается, въ мукахъ вырастаетъ свобода. Но вѣдь надо защитить, оборонить, отстоять родину и „Землю и Волю“, отстоять наслѣдство отцовъ—Пестелей, Желябовыхъ и Гершуни.

Сибирскій стрѣлокъ не знаетъ этихъ именъ и „звѣзда утренняя“ ему непонятна. Но онъ знаетъ, что такое свобода, но онъ чувствуетъ всѣмъ своимъ трепещущимъ сердцемъ, что теперь рѣшаются судьбы Россіи, судьбы крестьянства и съ ними судьбы „Земли и Воли“. И сибирскій стрѣлокъ чуждается малодушія. Онъ говоритъ безъ всякаго колебанія: „Кто боится идти въ окопы, тотъ трусъ. Кто боится шрапнели, тотъ трусъ. Кто бѣжитъ съ поля битвы, тотъ трусъ. Кто передается въ руки врага, тотъ трусъ. Кто не исполняетъ приказа, тотъ трусъ. Есть трусы, которые сознаются, которые откровенно говорятъ о своемъ нежеланьи защищать свободу. И есть трусы, которые прикрываются партійной программой и

ссылаются на авторитеты. Но и тѣ и другіе одинаково заслуживаютъ презрѣнія. Ибо трусость—позоръ. Такъ, хотя и иными, тоже ясными и простыми словами, разсуждаетъ сибирскій стрѣлокъ. Такъ ли разсуждаютъ граждане въ Петроградѣ?

Я не говорю о петроградскихъ событіяхъ. Какъ отнеслись къ нимъ солдаты и офицеры, я скажу въ другой разъ. Я не говорю также о наступленіи противника. Оно начато. Оно продолжается. Но оно еще не закончено. Подождемъ результатовъ. Я говорю о настроеніи, о воспріятіи, о томъ, что французы называютъ „mentalité“. У сибирскаго стрѣлка воспріятіе—одно, у гражданина города Петрограда—другое. У сибирскаго стрѣлка прежде всего и безусловно на первомъ мѣстѣ—дѣло. Дѣло, т.-е. ратный, кровавый подвигъ. У гражданина города Петрограда прежде всего и безусловно на первомъ мѣстѣ—словесность. Митинги, собранія, совѣщанія, бесѣды, снова митинги, снова собранія. Безъ конца, безъ удержу, я бы сказалъ, безъ стыда. Точно многоводная рѣка словъ затопила въ весеннее половодье и Маріинскую площадь и Марсово поле, и Невскій, и всѣ зданія, и дома Петрограда. Слово есть дѣло, дѣло есть слово. Вотъ вамъ игра въ бирюльки—неосторожная, опасная и глубокая безотвѣтственная игра. Одинъ тащитъ колесико—значитъ, война, другой рюмку — значитъ, немедленный миръ. Но ни тотъ, ни другой не идутъ воевать за идею, не идутъ умирать за войну, не идутъ умирать за миръ. А когда, наконецъ, наигравшіеся въ бирюльки большевики понатужились и устроили „революцію“, то достаточно было одной очереди шрапнели, чтобы подавить безпорядки. И сибирскій стрѣлокъ говоритъ: „большевики—значитъ трусы“. Но вѣдь трусы не только большевики. Развѣ не трусы и тѣ, кто боится большевиковъ? Большевики боятся шрапнели. А тѣ, кто боятся большевиковъ, боятся угрожающихъ словъ. И отсюда, изъ арміи, развертывается такая картина: „въ Петроградѣ говорятъ, говорятъ, говорятъ, а когда дѣло доходитъ до дѣла, то, за рѣдкими исключеніями, всѣ готовы оставить позиціи“. „Въ народѣ трусовъ“—сказалъ мнѣ французскій, прикомандированный къ арміи офицеръ. Я покраснѣлъ отъ негодованія. Но мы объяснились. Французъ говорилъ не о сибирскихъ стрѣлкахъ, а о гражданахъ города Петрограда.

„Твой обликъ сухъ, твой остовъ жестокъ,
„Шершаво-пыльный сѣръ гранитъ
„И каждый темный перекрестокъ
„Тупымъ предательствомъ дрожитъ“...

Да, именно предательствомъ. Армію, одѣтый въ солдатскія рубахи русскій народъ, не только народъ, но и свободу, и родину, и „Землю и Волю“ ежеминутно предаетъ Петроградъ. Ихъ предаютъ не только большевики. Ихъ предаютъ всѣ тѣ, которые вмѣсто того, чтобы, взявъ винтовку, защищать народное достояніе, и утвердить миръ „безъ аннексій и контрибуцій“, неудержимо разговариваютъ о необходимости войны до этого мира. Ихъ предаютъ всѣ тѣ, которые относятся къ арміи равнодушно, ибо есть, молъ, гораздо болѣе существенныя дѣла, какъ напр. вопросъ о сахарѣ и объ извозчичьей таксѣ. Ихъ предаютъ, конечно, и тѣ, кто позволяетъ большевикамъ вести безумную—не весьма ли благоразумную?—пропаганду, и кто не гнушается совѣщаться съ тѣми „убѣжденнѣйшими“ людьми, у которыхъ темныя деньги. Я знаю, мой голосъ не будетъ услышанъ. Я знаю, я возстановлю противъ себя всѣхъ „умѣренныхъ и аккуратныхъ“ нашей изнемогающей революціи. Но я долженъ, я обязанъ сказать то, что видятъ мои глаза.

Россія гибнетъ, революція умираетъ. А въ это время безотвѣтственные говоруны, говорящіе на всѣхъ площадяхъ, мѣшаютъ полномочнымъ органамъ большинства демократіи дѣлать ихъ необходимое, ихъ огромное, ихъ святое дѣло. Дѣло это—организація власти, организація Россіи, организація войны т.-е. тыла и фронта. И никому и въ голову не приходитъ, что когда отечество гибнетъ, первый долгъ гражданина—защищать его съ оружіемъ въ рукахъ.

Армія наступаетъ, армія отходитъ, въ арміи волненія... Вотъ газетныя новости. О нихъ говорятъ, о нихъ спорятъ, о нихъ выносятъ сужденіе. Но у кого болитъ сердце за армію? Но кто рѣшается покинуть гостепріимные невскіе берега и подставить свою грудь подъ шрапнель? Сосчитайте по пальцамъ и имѣйте мужество сказать вслухъ то, что шопотомъ говоритъ сибирскій стрѣлокъ: „петроградскіе граждане трусы“.

„Бабы въ батальоны идутъ, а пѣхота хуже, чѣмъ бабы“—говорилъ мнѣ изюмскій гусаръ, когда мы полями, черезъ овсы, уходили на измученныхъ лошадяхъ отъ наступавшихъ и почти отрѣзавшихъ отступленіе нѣмцевъ. „Пѣхота хуже, чѣмъ бабы“... Пусть, такъ, хоть есть доблестнѣйшіе, преданнѣйшіе свободѣ, полки. Ну, а граждане Петрограда? Вѣдь они еще хуже пѣхоты. Какъ ни какъ, а отступающій пѣхотный солдатъ отступаетъ подъ огнемъ непріятеля, а кто слышалъ, какъ разрываются „чемоданы“, тотъ знаетъ, что такое огонь. А вѣдь гра-

жданинъ Петрограда даже не отступаетъ. Не отступаетъ, ибо не былъ никогда на позиціяхъ. Онъ до сихъ поръ не можетъ рѣшить вопроса „нужно воевать или нѣтъ?“ Вотъ увидите, онъ рѣшитъ его, когда окончится, наконецъ, война.

Скажемъ прямо: войну за родину и свободу ведетъ армія, а Россія, въ частности Петроградъ, относится къ войнѣ почти равнодушно. И если въ провинціи есть матери и отцы, которые, поднявъ великое бремя, не жалуются на преждевременную усталость, а несутъ его безропотно, и безслезно и всѣ мысли ихъ съ сыновьями, то въ Петроградѣ о сыновьяхъ забыли. Не забыли,—о нихъ говорятъ, но говорятъ не какъ о живыхъ, истекающихъ кровью, людяхъ, которые грудью отражаютъ врага, а какъ о предметѣ для спора. Есть разные предметы для спора, въ томъ числѣ и война.

Вотъ петроградская — предательская—„mentalité“. Сибирскій стрѣлокъ угадываетъ ее. Пока онъ ее еще терпитъ. Но не надо—безсовѣстно и грѣшно—злоупотреблять этимъ терпѣніемъ. „Кровавая нива“—кровавая для всѣхъ. Кто способенъ носить оружіе, долженъ его носить. Такова воля народа.

Дѣйствующая армія.
Іюль. 1917 г.

28, вечеромъ наши войска взяли съ бою Калущъ. 29 утромъ я посѣтилъ этотъ историческій теперь городъ.

Широкое, въ великолѣпномъ порядкѣ, исправленное австрійцами шоссе полно повозокъ, двуколокъ, пѣшихъ и въ особенности конныхъ солдатъ. Тутъ же стоятъ броневыя, замаскированныя отъ воздушной развѣдки, машины. Пѣхота—войска ген. Черемисова, конница—ингуши, татары, чеченцы, туземная дивизія кн. Багратіона. Вчера она ходила въ атаку. Сегодня она хозяйничаетъ въ домахъ. Я говорю „хозяйничаетъ“, но почему не сказать того слова, которое просится на языкъ? Она попросту грабитъ. Грабитъ, улыбаясь, не сознавая всего позора недостойнаго грабежа. Всадники въ живописныхъ черкескахъ, на прекрасныхъ коняхъ, шагомъ ѣдутъ изъ Калуща, и у сѣделъ навьючены одѣяла, подушки, завязанные съ крестьянскимъ добромъ, мѣшки—крестьянскій хламъ, крестьянское достояніе. Я видѣлъ слѣды такого же грабежа въ Шампани. Я возмущался. Я говорилъ, что нѣмцы не солдаты, а дикари. Какъ положить предѣлъ обычному, дикому, неоправдываемому ничѣмъ, грабежу?

На шоссе — чеченцы, татары и ингуши. Въ самомъ го-

родѣ—наши солдаты. Они не грабятъ, они разбиваютъ бочки съ виномъ. Вчера они доблестно штурмовали Калущъ, сегодня они пьянствуютъ, какъ рабы. Ихъ немного. Но на улицахъ пахнетъ спиртомъ, но на каменной мостовой валяются осколки бутылокъ, и тутъ же, возлѣ осколковъ, лежатъ пьяные мертвецки солдаты. Но и заснувъ, они не выпускаютъ винтовокъ изъ рукъ.

Гдѣ-то рявкнуло что-то, и зазвенѣлъ свистящій полетъ. И а домами, высокимъ разрывомъ, разорвалась и дождемъ упала шрапнель. И сейчасъ-же, изъ-за угла, появилась женщина въ бумажномъ платкѣ и рядомъ съ нею, у ея юбки, двое маленькихъ голубоглазыхъ дѣтей. Это было такъ не нужно, такъ странно, такъ, — позвольте мнѣ сказать, — страшно, что я съ минуту стоялъ, не вѣря глазамъ. Калущъ грабятъ. Калущъ обстрѣливаютъ. Можетъ быть, черезъ четверть часа, снова въ Калущѣ начнется неистовый бой. Что здѣсь дѣлаетъ женщина? Что здѣсь дѣлаютъ дѣти? Развѣ здѣсь умѣстна мирная жизнь?

— Уходите... Уходите скорѣе.

— Куда же я, проше пана, пойду?

Да, куда же она пойдетъ? Въ чужой Галичъ? Въ чужой Станиславовъ? На дорогу, гдѣ хозяйничаютъ „туземцы?“. Оставить домъ, оставить нищенское богатство, оставить мать и отца и, собравъ запуганныхъ и плачущихъ отъ страха дѣтей, бѣжать безъ цѣли, безъ руководства? Или оставаться здѣсь, подъ огнемъ?

— Спрячьтесь скорѣе въ подвалъ...

— Я спрячусь...

И снова нѣтъ никого. Есть только трупы, только брошеныя орудія, только бѣлѣющія на черной землѣ открытки и въ высокомъ небѣ — свѣтло-сѣрые разрывы шрапнели. И я съ тоской поворачиваю назадъ.

На площади все тотъ же грабежъ, все то же рабское пьянство. Нѣтъ нужды, что австрійцы стрѣляютъ, выстрѣлъ— обыкновенное, ежедневное, а вино и ромъ, — необычное, рѣдкое, то, что украшаетъ и радуетъ жизнь.

Пьяный чеченецъ бьетъ нагайкой между ушами коня, и конь взвивается на дыбы и яростно трясетъ головою. А всадникъ скалитъ бѣлые зубы:

— Убью! Въ первой атакѣ убью!.. Не лошадь, а чортъ!.. Не чортъ, а настоящій ишакъ!..

Вотъ одинъ ликъ войны: пьянство, грабежъ, мародерство. Тотъ, кто нашелъ въ себѣ мужество идти на австрійскіе пуле-

меты, кто не устрашился шрапнели и огня стале-бронзовыхъ гаубицъ, забываетъ о воинской чести, когда видитъ бочку съ ромомъ или виномъ. Повторяю: такихъ немного. Большинство уже за Калущемъ, въ лѣсу и въ окопахъ. Но, вѣдь и немногіе заслуживаютъ вниманія. Заслуживаетъ вниманія человѣческая душа—ея неизъясняемое противорѣчіе. Сегодня—герой, завтра—рабъ.

Я миновалъ городскую площадь и вышелъ на улицу, почти въ открытое поле. Здѣсь—не пьяные. Здѣсь—солдатскіе трупы. Здѣсь поломанныя витовки, нѣмецкія каски, подсумки, штыки, патроны и горящія зданія. Я наклоняюсь надъ однимъ изъ убитыхъ. Нашъ, русскій, молодой, еще безусый солдатъ. Удивленное, но не испуганное лицо. Запекшаяся кровь на щекахъ. И уже одеревенѣвшія, тяжелыя въ своей неподвижности, ноги. Тяжекъ запахъ дыма и гари, тяжко зрѣлище сожженныхъ домовъ, и тяжка судьба безызвѣстныхъ героевъ — безымянныхъ воиновъ за свободу.

На углу три орудія. Три 6-тидюймовыя гаубицы. Ихъ еще не вывезли въ Станиславовъ. У колесъ одного валяется сумка. Она открыта. На землѣ разбросаны открытки и письма. Я поднимаю одно письмо и читаю по-польски: „Мой милый Янекъ, шлю тебѣ горячій привѣтъ. Когда же окончится эта, разлучившая насъ, война?...“. Гдѣ тотъ австрійскій солдатъ, которому написаны эти строки? Въ плѣну? На перевязочномъ пунктѣ? Или это онъ лежитъ въ придорожной канавѣ,—лежитъ неподвижно съ такими же алыми струйками на щекахъ, какъ и тотъ убитый на полѣ брани, надъ которымъ я наклонился и котораго я теперь не въ силахъ забыть?

Этотъ чеченецъ едва ли дрался за „землю и волю“. За „землю и волю“ сражались тѣ, которые уже впереди, за Калущемъ, по дорогѣ къ Долину. Свершилось чудо. Какъ въ сказкѣ. Спалъ безпробуднымъ сномъ богатырь и, казалось, что онъ не проснется. Казалось, что сонъ его такъ глубокъ, что такъ велико его утомленіе, что пройдутъ годы, и онъ все еще не откроетъ глазъ. Не откроетъ глазъ и дастъ себя заполонить соннымъ. Но достаточно было чудодѣйственныхъ словъ „Свобода“, „земля и воля“, и проснулся сказочный богатырь, и враги его побѣжали. Австрійцы бѣгутъ до сихъ поръ. Добѣгутъ ли они до Стрыя?

Я возвращаюсь назадъ, въ Станиславовъ. Безумолку гремятъ батареи и безъ перерыва рвется шрапнель. Не только-шрапнель, но и гранаты, и „чемоданы“. И когда я подхожу

къ заросшей осокой рѣчкѣ, къ переброшеннымъ сегодня ночью мосткамъ, я снова слышу свистящій и острый звукъ. Но на этотъ разъ нѣтъ сомнѣній. Я уже знаю,—знаю не разумѣніемъ, а всѣмъ тѣломъ, всей моей напряженной душой, что этотъ свистъ—для меня. Нѣтъ промаха. Нѣтъ ошибки. И нѣтъ времени убѣжать, нѣтъ времени упасть на траву, нѣтъ времени ни думать, ни каяться, ни жалѣть. И въ то же мгновенье—грохотъ, звонъ и дымъ, и осколки, и взметнувшаяся вихремъ земля. И въ десяти шагахъ—яма.

Я спасся. Я уцѣлѣлъ. Кто молился въ этотъ день за меня? Не знаю. Но если бы я могъ, я бы молился и за плачущихъ отъ страха дѣтей, и за женщину въ бумажномъ платкѣ, и за нашихъ убитыхъ солдатъ, и за убитыхъ австрійцевъ, и за Калущъ, за его сады и дома, и за чеченца, и за грабителей, и за пьяныхъ. Передъ смертью всѣ правы и всѣ равны. И передъ смертью нѣтъ ни награды ни осужденія.

Іюнь 1917 г.

Я лежу ничкомъ на травѣ. Трава сырая, еще влажная отъ отшумѣвшаго передъ полуднемъ дождя. Прямо передъ моими глазами трудится и изнемогаетъ въ трудѣ муравей. Онъ тащитъ соломинку — непосильную ношу. Я съ любопытствомъ разсматриваю его. И его, и соломинку, и зеленые стебли травы, и комочки невысохшей грязи. Именно съ любопытствомъ. Когда однажды я ожидалъ насильственной смерти, я съ любопытствомъ просматривалъ „Ниву“. Не потому ли въ эти минуты читаешь „Ниву“ и слѣдишь за ничтожнѣйшимъ муравьемъ, что нѣтъ мужества, нѣтъ спокойнаго хладнокровія, чтобы понять до конца и измѣрить то, что мы называемъ смертью?

Вонъ тамъ, далеко за голубоватымъ холмомъ, гдѣ раскинулись по склону березки,—непріятельскіе окопы. Я не смѣю взглянуть. Я знаю—вотъ сейчасъ раздастся ударъ и вслѣдъ за ударомъ, почти въ одно и то же мгновеніе, зашипитъ и залязгаетъ воздухъ, и, все нарастая, все приближаясь, въ высокомъ небѣ послышится звонъ—звонъ свистящей шрапнели. А потомъ снова гулъ, снова тяжкій ударъ, и уже снова звенитъ и воетъ нечистая сила. Нечистая сила?.. Да развѣ человѣку достойно, можно и нужно лежать на мокрой травѣ, ничкомъ, почти безъ сознанія? Да развѣ человѣку достойно, можно и нужно слышать этотъ звѣриный вопль? Да развѣ жизнь дана

для того, чтобы кто-то машинный, кто-то невидимый, кто-то безконечно чужой, отнялъ ее, какъ я могу отнять у этого муравья и, отнявъ, даже не пожалѣлъ и даже не вспомнилъ? Подлинно суета, всякій человѣкъ живущій...

И любопытство смѣняется гнѣвомъ. Пусть пролюются шрапнельныя пули, я ихъ видѣлъ близко, возлѣ себя, такъ близко, что я чувствовалъ ихъ полетъ, я увижу ихъ еще разъ. Пусть не разъ, пусть сотни и тысячи разъ. Я не боюсь этихъ невидимыхъ пуль. Но я ненавижу того, кто затѣялъ войну, кто поставилъ за голубоватымъ холмомъ орудія, кто приказываетъ стрѣлять и кто жизнь мою,—безсмертную жизнь,—цѣнитъ не выше жизни безсловеснаго муравья. Я поруганъ. Я уничтоженъ. Во мнѣ раздавлена моя гордость—гордость сознанія, что я не тварь, не вещь, не предметъ, а разумное и сотворенное по образу Божію существо. Гдѣ-то кто-то расплавилъ сталь. Отлилъ пушку. Приготовилъ снаряды. Потомъ привезъ ее сюда, на поле сраженія. Потомъ зарядилъ. Потомъ выстрѣлилъ. И жизнь моя въ его случайныхъ рукахъ.

Мечется, со свистомъ разрывается воздухъ. Боже мой, опять прольется шрапнель... Ей нѣтъ конца. Ей не будетъ конца. Сколько времени я такъ лежу на травѣ? Уползъ муравей. Передъ моими глазами только невысокіе, зеленые стебли. Для муравья онъ — лѣсъ, густая и непроходимая поросль. Но зато шрапнель ему не страшна. Не все ли условно? Не условна ли и сама, неизбѣжная, смерть?

Идти назадъ? Или лучше остаться лежать? Какъ уйдешь? Ползкомъ, какъ ничтожнѣйшій муравей? Я не хочу и не буду ползать. И я встаю во весь ростъ. Чѣмъ я рискую? Развѣ можно уйти отъ смерти?

И вдругъ къ гнѣву примѣшалась острая жалость—дѣтское чувство. Жалость къ себѣ, къ тому, что было, что уже никогда не вернется, чего уже никогда не будетъ. Жалость къ прожитой жизни. И это чувство было такъ огромно и полно, что въ немъ потонули и страхъ, и ненависть, и безпокойное любопытство. Я не хочу умирать.

Такова моя воля. Но есть и воля машины. На картѣ разграфленные квадраты. Для каждаго квадрата особый прицѣлъ. Я лежу въ одномъ изъ этихъ квадратовъ. Механически, безъ ошибки, безъ волненія, безъ разумѣнія, кто-то темнѣй меня убьетъ. Нѣтъ заслуги и нѣтъ вины. Есть безсмысленная случайность. Почему я оказался въ этомъ квадратѣ? Чья это воля? Я ищу и не нахожу отвѣта.

„Мы какъ свѣчи передъ Богомъ горимъ“... Такъ сказалъ мнѣ одинъ солдатъ. Я услышалъ его и не понялъ. Теперь я понимаю эти слова. Развѣ теперь, вотъ здѣсь, опять ничкомъ на мокрой травѣ, я не горю передъ Богомъ? Развѣ не колеблется моя жизнь? Вотъ снова опрокинулась въ небесахъ телѣга, вотъ снова взвизгнулъ, и лязгнулъ, и зазвенѣлъ, и заскрежеталъ взметнувшійся воздухъ. И вотъ снова я вижу: въ землю, между стеблями, въ невысохшіе комочки грязи, въ двухъ шагахъ отъ моей головы, впились дождемъ свинцовыя пули. Впились — и брызги полетѣли вокругъ. Такъ льется ливень. Такъ опрокидывается телѣга съ пескомъ. Сейчасъ—въ двухъ шагахъ отъ моей головы. А что будетъ черезъ минуту?

Напрягается и становится тверже тѣло. Напрягается и становится тверже душа. И безъ замиранія, но и безъ любопытства, безъ примиренія, но и безъ гнѣва, уже спокойно, уже равнодушно ждешь, и слушаешь, и молчишь. Молчишь про себя—потому что нѣтъ мыслей и нѣтъ тревоги. Такъ нужно. Такъ можно. И такъ достойно. Во имя чего? Кто скажетъ? Я говорю: во имя родины и свободы.

Вотъ что пережилъ я. Но я пережилъ случайно, и въ моей власти пережить или не пережить еще разъ. А солдаты? А офицеры? А тѣ русскіе люди, которые ежедневно рискуютъ жизнью, — ежедневно переживаютъ шрапнель? Не забыли ли о нихъ въ Петроградѣ? Помнятъ ли и думаютъ ли о нихъ въ Москвѣ?

Конь трясетъ подстриженной гривой и, нагибая голову, тянется шеей къ уже созрѣвшимъ колосьямъ. Онъ жуетъ ихъ жадно и быстро и я слышу, какъ звенятъ удила о зубы. Пахнетъ рожью, открытымъ полемъ, васильками и макомъ. И успокоеніе сходитъ на душу.

Только что былъ свистъ, и звонъ, и лязгъ, и грохотъ, и вопль. Только что разверзалась земля, метались вихри, содрогалось синее небо. Только что я стоялъ у стѣны халупы, прижавшись къ ней и ища защиты. Только что я ощутилъ свою малость, и ничтожество моей жизни. Только что въ двухъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ и почувствовалъ смерть.

Жутко ждать смерти. Жутко чувствовать безсилье и поруганье. Безсилье—ибо что жъ я могу, когда въ воздухѣ зазвенитъ граната? Поруганье—ибо гдѣ же мое „я“, когда свистнетъ со звономъ осколокъ? А сколько разъ звенѣла граната... А сколько разъ свистѣлъ надъ головою осколокъ... И безъ дрожи, и безъ волненія, окаменѣвъ, замеревъ, я стоялъ у выбѣ-

ленной стѣны и ждалъ, и надѣялся, и не вѣрилъ. А потомъ я ушелъ въ поля.

Налѣво сзади горитъ Тарнополь. Направо сзади вьются дымки. Фронтъ прорванъ. Мы отступаемъ. Эта мысль пронзаетъ меня,—пронзаетъ и не входитъ въ сознаніе. Она слишкомъ огромна. Я не могу, не смѣю ее вмѣстить. Надо выждать. Надо вздохнуть всей грудью. Надо успокоиться здѣсь, гдѣ не рвутся гранаты, и гдѣ колышется полновѣсная рожь. Миръ въ поляхъ и успокоеніе въ душѣ...

Мы идемъ напрямикъ. Кони топчутъ хлѣба, но за нами они смыкаются снова и, если обернуться, назадъ, то не видно тропинки—видно только желтое море хлѣбовъ. Насъ шестеро—гусарскій разъѣздъ. Молодой изюмскій гусаръ поправляется на сѣдлѣ и смотритъ назадъ, на Тарнополь.—Какъ бы нѣмцы не обошли...

Дѣйствительно, какъ бы нѣмцы не обошли... Я забылъ о нѣмецкой угрозѣ. Мнѣ нѣтъ времени думать о ней. Душа наполнена печалью и гнѣвомъ. Отступаемъ. Уходимъ. Бросаемъ пулеметы, орудія, винтовки. Бѣжимъ, какъ не бѣгали никогда—не войско, а стадо, не полки, а необузданная толпа. Неужели изсякла стойкость? Неужели торжествуютъ слабость и малодушіе? И что станется съ моей родимой, многострадальной страной?

Десятки умерли, а тысячи побѣжали. Десятки дали себя убить, обороняя родину и свободу, а остальные... Что сказать? Какія слова найти? Безмѣрно бѣдствіе, и неисчерпаемо горе.

Я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ въ поля. А вѣдь рота осталась — осталась въ этомъ кромѣшномъ аду. И когда я прощался съ нею, я замѣтилъ, — я помню, — какъ у прапорщика задрожалъ подбородокъ. Этотъ прапорщикъ стоялъ съ винтовкой въ рукахъ, краснощекій, безусый и смотрѣлъ на меня испуганными глазами. Да, испуганными. Но и испугавшись, онъ не дрогнулъ и не ушелъ. Онъ остался на мѣстѣ. „За Землю и Волю“... Это онъ сказалъ, а не я. Развѣ это не высшая доблесть?

— Совсѣмъ слабъ народъ сталъ... Смутился... А мы, гусары, такъ понимаемъ: нечего языкомъ болтать, не хочешь идти—заставимъ...

Я какъ въ туманѣ слышу эти слова.

Опьяняюще пахнетъ рожь. Опьяняюще жжетъ іюльское солнце. И поскрипываетъ сѣдло, и пофыркиваетъ гусарскій конь, и не хочется ни думать ни говорить.

И жалѣешь, что не научился молиться.

„Не хочешь идти — заставимъ“... Вотъ программа. Вотъ руководство. Россія заболѣла безволіемъ. Безволіе породило безвластіе. Революціонная власть почти изошла словами. Обсужденія, митинги, разговоры. А пока Петроградъ обсуждалъ, армія разлагалась. И мы остались безъ силы, и надъ нами падаетъ ночь.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“. Я всѣмъ сердцемъ усвоилъ эти слова, я всей душой принялъ ихъ. Я жилъ ими, и они вдохновляли меня. Но развѣ мы посмѣли бороться? Но развѣ мы—безумные—не перековали уже мечи на орала? Армія наша занимала окопы, но кто же любовно думалъ о ней? Кто же мучился ея мукой? Кто же вѣрилъ въ ея непоколебимую мощь? Армія—сама по себѣ, а Россія—сама по себѣ. Въ Россіи больше разсуждали объ „аннексіяхъ“ и „проливахъ“, чѣмъ заботились о солдатѣ. И въ Россіи — скажемъ это, посмѣемъ сказать—не хотѣли побѣды, даже боялись ея. Побѣды не въ смыслѣ покоренія и униженія, побѣды въ самомъ прямомъ, въ самомъ непосредственномъ значеніи этого слова. „Побѣдимъ, значитъ какіе же мы соціалисты“?.. И возлагали надежды на „революцію въ Германіи“. О книжники, о люди безъ разумѣнія!.. И армія медленно разлагалась, и армія изнывала въ безвластьи, и армія исходила кровью, и армія — великая армія свободнаго народа россійскаго—погибала душевно, какъ погибаетъ лишенный родины человѣкъ. Не было связи, не было сердечнаго единенія, общей мысли, общей жертвы, общей молитвы. Были солдаты, которые умирали, и были граждане, которые разговаривали въ столицахъ. И почти никто не дерзалъ сказать: „Берегитесь, Россія погибнетъ“...

А потомъ совершилось. И теперь даже слѣпые видятъ, что настали сроки и времена. Не пропущены ли уже?

— Мы на проволоку конным строемъ ходили... Сколько нашихъ легло, а все-таки окопъ взяли. Вотъ это воины, а это что же?.. Развѣ солдаты?..

Изюмскій гусаръ презрительно кривитъ губы: въ лощинѣ между хлѣбовъ сидятъ въ орѣховыхъ кустахъ дезертиры. Они безъ винтовокъ и босы. Ихъ четверо. Они молча, недружелюбно, исподлобья смотрятъ на насъ.

— Эхъ!..

Онъ машетъ рукой, и мы рысью проходимъ мимо. Арестовать? Увести съ собою? Арестовать тысячи, увести съ собою десятки тысячъ? Море вышло изъ береговъ,—вся армія шарахнулась въ тылъ. Здѣсь арестами не поможешь... Здѣсь нужна иная, жуткая власть.

Горитъ Тарнополь, вьются на горизонтѣ дымки. Дымки нѣмецкой шрапнели. Но не слышно орудійнаго гула. Тихо въ полѣ—въ созрѣвшей ржи. Только звенятъ удила, да поскрипываетъ сѣдло, да лязгаетъ гусарская сабля. Впереди еще много верстъ. Какъ бы нѣмцы не обошли"... Насъ они, конечно, не обойдутъ, но вѣдь дѣло не въ насъ. Дѣло даже не въ арміи. Дѣло въ Свободѣ. Дѣло въ „Землѣ и Волѣ". И я предчувствую то, что будетъ. И я предчувствую мракъ, и кровь, и ужасъ, и униженіе, и мнѣ жаль, что тамъ у выбѣленной халупы я сохранилъ свою жизнь, что осколокъ впился въ оконную раму, и что непріятель не мѣтокъ. И мнѣ жаль, что я долженъ, обязанъ вернуться домой, снова думать, и снова дѣлать, и снова брать отвѣтственность на себя. Кто поможетъ? Кто спасетъ армію и Россію?

Господи избавь мою душу!

Дѣйствующая армія
Іюль 1917 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строч.*	Напеч.	Надо,
8	4 снизу	что есть. Жизнь	что есть Жизнь
9	19 снизу	старонъ	сторонъ
31	5 снизу	восковыякуклы	восковыя куклы
33	14 снизу	змгородомъ	Змигородомъ
38	18 снизу	постигнешь	постигаешь
49	16 сверху	стекомъ	стэкомъ
57	1 снизу	бсолютнымъ	абсолютнымъ
60	1 снизу	амъ	намъ
64	3 сверху	которой	о которой
82	10 сверху	сосѣдки	сосѣдкѣ
87	8 сверху	вспоминалось	вспоминалась
89	20 снизу	поминализмъ	номиналнзмъ
91	14 снизу	солдатъ людей	солдатъ
94	17 сверху	нѣмпамъ	нѣмцамъ
95	17 сверху	меземскаго	медемскаго
97	8 сверху	іюня	іюля
199	13 снизу	непріятельскія	непріятельскіе
102	5 снизу	напишу лучше	напишу
116	16 снизу	родитъ	роднитъ
130	21 снизу	we	wie
133	2 сверху	не странно	ни странно
137	12 снизу	(*флебитъ*)	флебитъ
138	15 сверху	тоорію	теорію.

ORNL-59714

Т-во „ЗАДРУГА“

МОСКВА, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.
ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная, 24.
ХАРЬКОВЪ, Горяиновскій пер., 11. Книжный магазинъ Кооперативнаго Т-ва «Народная Свобода».

Ропшинъ, В. Во Франціи во время войны. Ч. I. Изд. 2-е, Ц. 3 р. 75 к. Ч. II. Ц. 3 р. 75 к.

Его же. То, чего не было. (Романъ). Изд. 3-е Ц. 6 р.

Савинкова, С. Въ годы стараго режима. Ц. 5 р. 50 к.

Кропоткинъ, П. А. Письма о текущихъ событіяхъ. Ц. 2 р. 10 к.

Ропшинъ, В. и Степунъ, Ф. Изъ писемъ прапорщика-артиллериста.—Письма изъ дѣйствующей арміи. Ц. 5 р.

Морозовъ, Н. А. Повѣсти моей жизни. Т. II. Содержаніе: **По волнамъ увлеченія. Свободныя горы.** Ц. 6 р. 50 к.

Его же. Повѣсти моей жизни. Т. I. Изд. 2-е, (печат.). Т. I (печат.).

Осоргинъ, М. А. Призраки (Три повѣсти). Ц. 3 р. 50 к.

Его же. Очерки современной Италіи. Ц. 4 р.

Кущевскій, И. А. Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ (Романъ). Ц. 4 р.

Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлаго. Ч. II. Ц. 5 р.

Короленко, В. Г. Домъ № 13. Ц. 25 к.

„ Убивецъ. Ц. 55 к.

„ Повѣсти и разсказы. Т. I, ч. 1-я. Ц. 2 р. 50 к.

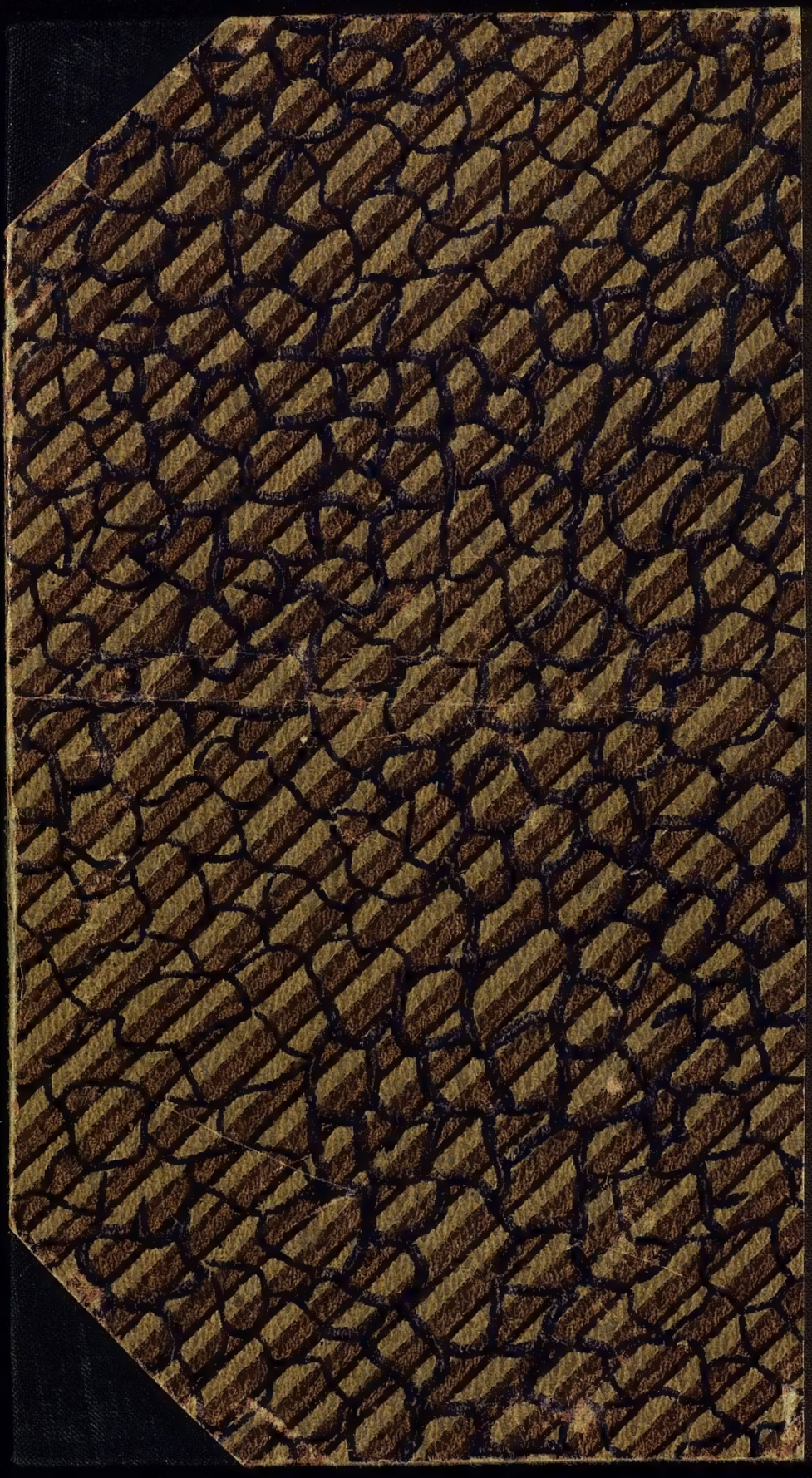
„ „ „ Т. I, р. 2-я. Ц. 2 р. 50 к.

Анисимовъ, С. С. На пути къ смерти. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣлоконскій, И. П. Дань времени. (Воспоминанія). Ц. 6 р. 50 к.

Погорѣловъ, А. Повѣсти и разсказы Т. I. Ц. 4 р.

Верхоустинскій, Б. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

5 руб.

ОИК-59714